

1. «Сидите дома и не высовывайтесь»

«Перефразируя уважаемого мной Хантера Томпсона, у меня было два рюкзака, пятьдесят пар носков, четыре спрея от комаров, гора влажных салфеток и антисептика, а еще четыре упаковки пальчиковых батареек, два диктофона и целая сумка ручек, карандашей и новых тетрадей. Не то, чтобы это все нужно в фольклорной экспедиции, где наличие розеток – уже удача, но если выиграл конкурс на лучшую творческую работу, то иди до конца. Меня беспокоило лишь то, что я ошиблась с билетами и оказалась в этой глуши за неделю до основной группы, – от скуки тянет на любые подвиги, среди которых ночевка в лесу под открытым небом – минимальное из всех зол».

С этой записи я начала походный дневник. Если хочешь быть журналистом, то пиши всегда и обо всем – вот мой девиз и жизненное кредо. Пусть по своей глупости я и оказалась одна в снятом на лето пустом двухэтажном доме в полузаброшенном городишке, где почти не ловит мобильная связь и интернет, но это меня не остановит! Кожей чувствую, что за эту неделю я напишу отличную статью, и потом ее опубликуют на сайте нашего университета с подписью «Сабрина Стелс, наш собственный корреспондент».

Писк мобильного телефона возвращает меня в реальность. На экране сообщение от руководителя экспедиции, профессора Фроста, «сидите дома и не высовывайтесь». Словно мысли читает – вот так вот задумаешь совершить журналистское расследование о тыквенных полях и развитии кинематографа, а вся инициатива подрублена одной строкой в ватсапе. Хотя, буду откровенной, я не сорвиголова. Не прыгала с крыш, не каталась на велосипеде без рук, не ела на спор земляных червей – насчет последнего более чем счастлива. Просто сплю и вижу, что пишу статьи и потом держу в руках журналы, на которых мои имя и фамилия. Разумеется, как все юные недо-специалисты уверена, что сразу, с первого предложения, создам бестселлер и получу «золотое перо». Мечтать не вредно, а вот это промедление просто убивает! Неделю сидеть и ждать, пока Фрост и еще десять человек приедут и начнут ходить по старожилам, записывая байки и присказки... Скукотища. Что это за место–то такое, что поезд раз в неделю приходит?! Дыра.

Честно пытаюсь удержаться в четырех стенах полдня и есть привезенные с собой «дошираки», но не выдерживаю и решаю сходить за шоколадкой в ближайший магазин. Одной ногой туда, а потом обратно в комнату на чердаке и смотреть всю ночь притащенный с собой диск с первым сезоном «Друзей» – потому что одна в незнакомом городе, в пустом доме с видом на лес я точно не усну и спать не буду. Скорей бы уже эта неделя прошла – совсем не могу заниматься в тишине: обязательно нужен смех соседа, их бестолковая болтовня, шорохи, звяканье входящих смс и сообщений в фэйсбуке или ватсапе. А то уже галлюцинации начались... Словно кто-то играет на барабанах, и звук такой, будто из-под земли идет. Мерещится же всякое.

Мотаю головой, отгоняя наваждение. Срочно нужна глюкоза и, желательно, еще доза кофеина, если в этой дыре можно найти капучино или, на худой конец, мокко. Нет, еще пара часов взаперти, и я точно свихнусь! Я все-таки на каникулах, заслуженных летних каникулах после первого курса, и сейчас – начало августа, пик сезона, самое время знакомиться с местными достопримечательностями. Часик погулять на природе мне не повредит, да и к приезду остальных уже буду в теме и смогу держаться наравне со старшекурсниками.

Убедив себя в правильности поступка, бросаю в рюкзак кошелек, телефон и новый шедевр от Харуки Мураками, где снова есть кот, девушка и неплохой рамён. Хлопаю по карманам: ключи, кажется, положила где-то у входа – точно, как дверь открыла, так и бросила на столике. Двоюродная прабабка Фроста, когда-то жившая в этом доме, полагаю, была бы крайне недовольна подобной беспечностью.

Выхожу, запираю дверь и глубоко вдыхаю теплый воздух с цветочными нотками, чувствую разливающуюся по телу дрожь и предвкушение приключения:

– Ну что, поиграем в журналиста?

Энтузиазма хватило на два часа. Это даже не город – скорее уж деревня: всего пара-тройка улиц, два магазина, один из которых закрыт «на учет», одноэтажная поликлиника и ветхое здание городской администрации. Закрытое кирпичное здание за поликлиникой похоже на заброшенную школу или склад – в единственном окне видны только бесчисленные шкафы. Аккуратно присаживаюсь на лавочку в парке – когда-то зеленая, теперь она ошетибилась прогнившими досками. Кофе нет, зато есть неплохое эскимо.

Не знаю, удастся ли нам собрать тут материал – я встретила едва ли с десятков человек, да и, судя по одежде, среди них много приезжих. В такую жару рубашка под горло и с длинным рукавом? Или вечерний макияж, чтобы купить пакет молока? Не знаю, может, там работает симпатяга-продавец, но, по-моему, лишняя трата времени. Мое эскимо пробивала осоловевшая кассирша с тяжелым взглядом – едва мигая, она медленно пересчитала сдачу, выкладывая по одной монетке на стол.

Вот старик на лавочке напротив, например, – обычно такой селянин, в синих поношенных джинсах и полосатой красно-белой безрукавной майке. В руках какая-то местная газетка, а на голове – кепка с логотипом футбольного клуба. Не думаю, что его речь богата местным колоритом, хотя, возможно, он помнит, какие колыбельные ему пели, покачивая люльку.

Словно почувствовав мой взгляд, селянин, оказавшийся почетным усачом, откладывает газету и смотрит в ответ:

– Слышишь? – хмуро хрипит он, будто что-то в горле мешает говорить свободно. – Уже начали.

– Что? – удивленно переспрашиваю.

– Барабаны, – он давится словами, ставшими внезапно вязкими, как манная каша. – Громче.

– Вы тоже их слышите?

– Беги, – бормочет, и я скорее вижу, чем слышу, как его губы тянут «е» и надрывно выпевают «и».

Сжатая в правом кулаке газета дрожит, и тихий шелест дешевых страниц звучит как детская пустышка с песком. Замирает. Тишина. Голова падает на грудь. Вскочив со скамьи и бросив недоеденное эскимо, я подбегаю и пытаюсь схватить его за плечи, кричу ему, что позову помощь и что все будет хорошо, но... Его глаза остекленели, руки безвольно повисли. Я продолжаю трясти его, кричу, зову на помощь, но на краю сознания проступает отчетливая холодная мысль. Только что на моих глазах умер незнакомец.

Мне страшно, мне ужасно страшно. Прижимаю руки ко рту, хочу кричать – странно, что до сих пор никого нет, ведь должен же кто-то быть, кто-то же должен помочь, спасти... В панике я оглядываюсь по сторонам: парк по-прежнему тих, и только дубы попирают небо. Ни пения птиц, ни разговоров прохожих – и только нарастающий гул барабанов, как гром, предвосхищающий грозу. Делаю несколько шагов назад, не в силах отвести взгляд от мертвеца – это невозможно, этого просто не может быть.

Щебенка под ногами мешает бежать, и я то и дело спотыкаюсь и чуть не падаю. В левом боку колет, но я не могу остановиться. Стучу в двери администрации, колочу руками и ногами в заколоченные ставни здания, что должно быть поликлиникой. Тишина. Никто не выходит и не подает признаков жизни. Словно я последний человек на земле. Голова кружится – я размазываю слезы по щекам, и в горле уже сухо от нескончаемого крика. Повторяю, что нет, это мне только снится, это кошмар, и я проснусь, сейчас в каком-нибудь окне появится зайка или еще что-нибудь милое и безобидное, и я проснусь. Вспоминаю о телефоне в рюкзаке – пальцы не слушаются, из списка контактов пытаюсь найти родителей, но безучастный голос оператора говорит, что набранные номера не существуют. Рыдая, перебираю номера – от подруг до заказа пиццы, но везде одно и то же. На звонке профессору Фросту экран телефона темнеет, и спустя секунды в ладони уже бесполезный кусок пластмассы. Я захлебываюсь слезами, бессильно опускают прямо на брусчатку и сижу на коленях, глядя в пустоту. Ночной кошмар? Падение метеорита? Я последний выживший?!..

Не знаю, сколько проходит времени – ноги успевают затечь настолько, что я не могу ни встать, ни поменять позу. Крупные камни давят сквозь ткань джинсов, и боль физическая притупляет боль и застывший в горле крик. Медленно встаю и бреду искать какой-нибудь транспорт – междугородний автобус, такси. В конце концов, я сяду на железнодорожной станции и буду ждать там. Но на размытой деревенской дороге нет следов шин, даже велосипедных, и я никак не могу вспомнить, как я попала в дом бабули Фроста. Шла я прямо? Или, может быть, под горку? Забыть сводит с ума – это шок, я понимаю. Не могла же я просто проснуться в незнакомом доме и жить, как ни в чем не бывало? Вернусь туда, и наверняка сразу все вспомню!

Переставляя ноги, бреду к дому бабули Фроста – там есть розетки, я сейчас зарядю телефон и дозвонюсь до всех; найду на картах это место, закажу такси. Какая-то нелепость, розыгрыш, я в реалити-шоу.

По пути вижу еще несколько тел – кто-то сидит на лавочке, кто-то упал у дома. Похожи на разбросанных кукол – если у куклы могла бы носом идти кровь, уже запекшаяся бордовая дорожка. Странно, но постепенно я привыкаю – меня не ужасает каждое новое тело, я принимаю его как данность, как часть ландшафта. Наверное, это шок.

В доме бабули Фроста все так, как я оставила. Это придает сил, и первое, что я делаю, – включаю музыку в ноутбуке погромче, запираю все двери и задергиваю шторы. Я хочу спрятаться, притвориться, что ничего и никогда не было. Останусь здесь столько, сколько потребуется, – а потом, когда Фрост придет, окажется наверняка, что я просто что-то не так поняла. Ставлю телефон на зарядку, беру из чемодана первую попавшуюся сменную одежду и иду в ванную, вооружившись ножом и подперев дверь изнутри стулом, чтобы снаружи никто не мог открыть.

Смотрю на себя в прямоугольное зеркало: от слез и пыли кожа стала серой, на ней черными провалами выделяются заплаканные глаза. Черные волосы взъерошены, губы распухли. Сердце по-прежнему стучит так, будто за мной гонится стая волков. Одежда грязная и рваная на коленях.

Несколько минут медленно дышу, стараясь успокоиться и прийти в себя.

Примем как данность, что это кошмарный сон, – а значит что? Значит, я могу делать все, что угодно. Эта мысль, самовнушение, неожиданно придает сил. Умываюсь теплой водой, встаю под холодный душ, чтобы не думать, – просто клацать зубами, чувствовать озноб и знать причину. Тщательно тру тело мочалкой – до красноты, до боли, смывая с себя оцепенение.

С грязью, слезами и пылью уходит страх, и я снова могу мыслить. Одетая в чистое и свежее, ношусь по дому под «Мамму мию» и ищу точку, откуда телефон, наконец, увидит сеть, – но безрезультатно. Возможно, авария. Возможно, что серьезная, и многие местные уехали ее чинить – чем-то тут они должны же заниматься, работать, деньги зарабатывать? Поселение ремонтников.

Криво улыбаюсь: версия натянутая, чуть-чуть – и лопнет, но, по крайней мере, уже не так страшно. Осталось найти хотя бы кого-то из местных. Но если идти, то сейчас, до темноты, потому что я слишком хорошо понимаю, что не смогу и шага сделать в сумерках по городу, на улицах которого полно тряпичных кукол, так похожих на людей.

Вдумчиво собираю рюкзак: деньги, телефон, зарядное устройство, пару яблок, шоколад, репеллент. Поколебавшись, заворачиваю в полотенце кухонный нож и аккуратно кладу на дно. Собираю волосы в хвост и надеваю кепку, чтобы не мешали при беге.

Я сплю и вижу сон, а значит, могу быть кем угодно.

Выйдя за порог и заперев дверь, я чувствую себя менее уверенно. Ноги подкашиваются, и колени дрожат, но мне нужно найти хоть кого-то, чтобы не сойти с ума. На крики «Пожар» и «На помощь» никто не сбегается, и я решаю методично обойти все ближайшие дома. Но стоит мне сделать несколько шагов, как я внезапно осознаю то, что все это время не понимала: нет ни одного звука, кроме барабанной дроби, уже едва слышной, но гулкой, сотрясающей все тело.

Тот мужчина в парке тоже это слышал, а значит, это не мои галлюцинации. Похоже, он думал, что с барабанами связано какое-то действие – кто-то что-то «начал». Сглатываю – его слова вызывают слишком яркие образы, о которых сейчас не нужно думать. Итак, кто-то что-то начал, и барабаны – явно запись. Может быть, представление? И местные отправились его смотреть?.. Отличная идея, но глупая донельзя. Эти барабаны явно связаны с тем, что город опустел. Что я помню из курса физики? Что есть звуки, которые мы не слышим ухом. Возможно, барабаны и есть причина смерти этих людей?..

От этой мысли мне становится страшно, но уже спустя секунду ее побеждает другая: «вот он, мой шанс! Я напишу об этом статью». И вот теперь я уже точно знаю, что пришла в себя.

2. Девять степеней одиночества

Рядом с домом бабули Фроста барабаны почти не слышны – и я решаю идти в центральную часть города, к зданию администрации. Знакомая дорога, главное – не смотреть по сторонам. Достав телефон, делаю аудиозапись своих впечатлений, сосредотачиваясь на метафорах и богатстве синонимов. Фотографировать не хочется, но, поборов страх, делаю несколько панорамных снимков, стараясь, чтобы на них попали «куклы». Захожу в магазин, где ранее покупала эскимо и шоколадку, – барабанная дробь слышна из прикрученных к потолку динамиков, и, конечно же, нет ни одной живой души. Продолжаю диктовать в телефон, собирая в рюкзак еду с полок – в фильмах о зомби обязательно есть подобная сцена. Задерживаюсь у кассы и оставляю оплату на столе – под ним видны лежащие ноги в тяжелых коричневых туфлях.

Вскоре я понимаю, что запись звучит из некоторых домов, но если отойти ближе к парку, то звук искажается, и похоже, что вдали есть еще динамики. Может быть, там есть еще одно поселение?.. Там могут быть выжившие. Или те, кто устроили эту какофонию, – что намного хуже.

Спрятавшись среди деревьев, осматриваюсь и вижу небольшую радиовышку, недалеко от которой стоит двухэтажный частный дом. Самое время проснуться или хотя

бы почувствовать себя супергероем с суперсилой, но это всего лишь я и всего лишь в джинсах и футболке, с рюкзаком, полным еды. Поколебавшись, достаю нож – вряд ли у меня хватит смелости напасть, но хотя бы смогу защититься. Решаю прикинуться случайно выжившей и попытаться обратиться за помощью – минеральной водой имитирую мокрые от слез щеки и пару раз на пределе возможностей кричу «помогите». Никто не вышел, хотя, показалось, что дернулись занавески в окне второго этажа.

Спускаюсь по склону и подхожу к дому, даже не пытаюсь скрыться, – мне кажется, так правильнее. Я же делаю вид, что ищу помощь, в конце–то концов. Стучу, перемежая наигранный плач криками о помощи, – и дверь подается. Без скрипа, просто медленно отползает назад. Мне страшно, мне чертовски страшно, и я уже сама не могу себя заставить поверить в то, что я сейчас рискую жизнью ради возможной статьи, которую никто и не прочтет, если сейчас со мной что–то случится. Нужно было все же послушаться Фроста и остаться на месте. У меня же с детства был любимый персонаж – толстый ленивый Гарфилд.

Я готовлюсь нанести удар самозащиты, но моя рука опускается, когда я вижу на пороге перед собой худющего как жердь парня моего возраста. На его чумазой физиономии, измазанной слезами и кровью, след от удара, а очки на переносице склеены скотчем. На голове большие девчачьи наушники с пластиковым бантом. В общем, не таким я представляла себе хитроумного маньяка, решившего порешить наш небольшой городок.

Одним ударом я смахиваю с него наушники, и они повисают на худой шее.

– Уходи, – он почти толкает меня, – тебе нельзя быть здесь.

– Но мне нужна помощь!

– Я не могу тебе помочь, – глаза за стеклами очков блестят, полные слез, – и здесь опасно.

– Там в городе не лучше, – мотаю головой, не отводя от него взгляда. – Впусти меня.

– Он убьет тебя, уходи! – парень пытается закрыть дверь, но я ставлю ногу и не даю ему это сделать.

– Кто это? Мы можем справиться вместе!

– Это бесполезно!

Барабаны резко замолкают, и воцаряется тишина. Завертев головой в поисках источника опасности, я чуть было не позволяю парню закрыть дверь, но, заметив маневр, отталкиваю его и вхожу.

Прихожая представляет собой большое округлое помещение, уставленное пустыми открытыми коробками. Несколько сложены и смяты – по–видимому, мой новый знакомый использует их в качестве мебели. Окна заклеены газетами, поэтому вокруг царит полумрак. На противоположной стороне – закрытая дверь.

– Последний шанс, – ворчит парень. – Уходи сейчас, пока он тебя не услышал.

– Во–первых, кто «он»? А, во–вторых, я никуда не уйду, – яростно шепчу в ответ. – Я не знаю, как отсюда вообще уйти. Машины нет, телефон не ловит, поезд через неделю.

– Тогда прячься, – он сдается и обводит рукой коробки. – Дождемся, когда Хозяин снова уснет, и...

Договорить ему мешает громкий окрик со второго этажа – металлический, агрессивный и не принимающий компромиссы:

– Приведи сюда!

Мы переглядываемся: мой новый знакомый явно дрожит, и мне это совсем не нравится.

– Ты говоришь, его зовут Хозяин? – подбираю слова, оттягивая встречу. – Кто это?

– Я не знаю. Я не помню, когда его не было. Говорит, что создал нас, а теперь мы больше ему не нужны. Поэтому он... заставляет нас убивать... самих себя, – парень

запинается. Я чувствую, что он сейчас расплчется, и едва удерживаюсь от того, чтобы дать ему пощечину. – Он следит за всеми.

– Даже сейчас? – скептически уточняю.

– У него есть карта! На стене, в конференц-зале. Там раньше были совещания, а теперь Хозяин сделал там себе кабинет. – он смотрит вверх и будто съеживается, поднимая плечи. – А я должен уносить трупы.

– Он наверху, и, кроме вас двоих, никого больше в здании нет. У тебя есть оружие? Или, может, снотворное?

– Нет, как можно, он же Хозяин!

Киваю, делая шаг к лестнице. Бежать уже поздно, особенно если карта действительно есть. Возможно, этот «Хозяин» падок на славу и захочет дать интервью, а потом отпустить опубликовать и доработать? Других вариантов пока нет. От барабанов и страха я за неделю все равно с ума сойду.

– Как тебя зовут?

– Стив. А ты?

– Сабрина. Пошли, что ли? – включаю аудиозапись на телефоне и перехватываю нож.

Из прихожей мы выходим в коридор, в конце которого кухня и, по-видимому, уборная, а слева от нее – деревянная лестница на второй этаж. Мы идем молча, и я чувствую, как по спине катятся капли пота и как дрожат ноги. По-моему, я перестаралась со смелостью. Хотя это же всего лишь сон, а значит, скоро все закончится.

«Хозяин» встречает нас хлипкими аплодисментами, сидя на диване в комнате прямо напротив лестницы. Он похож на колокол в смокинге, из которого торчат тонкие ноги и руки. Лица у него нет – только черная прорезь там, где должен быть рот, и пустые темные глазницы выше. Над ним на стене висит карта города – отмечены улицы и дома, а также хаотично разбросанные черные точки. В углу карты, в одном из домов, горят три огонька – два зеленых и один красный. Похоже, это мы.

– Кто ты такая? – из прорези-рта звучит приятный баритон, обманчивая человечность. – Назовись.

– Сабрина Стелс.

– А, все равно, – «Хозяин» машет рукой, – проверял, не глухая ли ты. Наушниками пользовалась?

– Да, – лгу, стараясь не подавать вида. – А можно вас спросить?

– Нельзя, – перебивает он. – Здесь я спрашиваю. И мне надоело.

Его округлая голова поворачивается в сторону Стива, который трясется, как желе на стиральной машине, и я интуитивно понимаю, что сейчас будет что-то очень плохое.

– Стив, бежим! – я хватаю его за руку, но, как зачарованный, он продолжает смотреть на «Хозяина», глазницы которого начинают менять цвет от белого до красного, а тело – дрожать.

Комната наполняется гулом – едва слышным, похожим на морской прибор, а затем вновь слышны барабаны – они будто звучат из прорези на лице «Хозяина», и в этой мерной дробь теперь я разбираю и слова, сказанные монотонным бесполом голосом: «Слабакам тут не место».

– Нет, Стив, нет! – я кричу, стараясь перекричать запись. Хватаю за руки, пытаюсь утянуть из комнаты, отпихнуть в сторону. Пробую помешать, но не могу даже ущипнуть – кожа будто деревянная, и мои пальцы соскальзывают и не могут ухватиться. – Посмотри на меня, Стив! Посмотри на меня!

Но он не смотрит. Как зачарованный, он забирает у меня нож и... Комнату наполняет визг, и проходит пара долгих секунд, в течение которых я с ужасом смотрю на упавшее плашмя тело, прежде чем понимаю, что все уже свершилось, и нужно закрыть рот. Стив мертв, в этом нет сомнений. Сердце колотится где-то в горле, мне хочется закрыть глаза и бежать как можно дальше. Но нельзя. «Хозяин» сидит напротив. Его лицо беспристрастно, словно маска. На губах застыла ухмылка короля положения.

Я стараюсь не смотреть ни на лужу крови, ни на труп, еще дергающийся в конвульсиях. Пытаясь выровнять сбившееся дыхание, смотрю на карту города: зеленая точка погасла. Осталась две: красная и зеленая, и они рядом, друг напротив друга.

– И что, моя очередь? – спрашиваю, не отрывая глаз от карты. Как страус, отворачиваюсь от проблемы, сидящей вот-вот, в шаговой доступности. Ноги подкашиваются, и я, точно, последняя идиотка, если полезла в самое пекло. – Потом переступите через мое тело и уйдете в закат?

– Разумеется, – снова баритон, как спрятанные в подушечки лап острые когти. – Мне надоел этот город.

– Тогда, может, как в дешевых фильмах, расскажете ваши будущие планы? Сейчас подходящий момент. Я, знаете ли, неплохо пишу.

– Не интересует, – он белозубо улыбается. – Тебе достаточно знать, что я Чистильщик, и мы создаем безупречный мир для новой расы.

– А мы глупы, слабы и полны пороков?

– И слишком внушаемы. – «Хозяин» машет рукой. – Прощай, журналистка.

Его глаза вновь сияют цветомузыкой, и под монотонные барабаны я слышу: «Твои тексты глупы и бездарны. У тебя нет таланта и плохой стиль». И хотя я понимаю, что это все – обман, влияние низких частот, но процесс запущен, и я чувствую, как начинаю соглашаться, оправдываться, принимать... Чуть ли не бормочу «да, я ничего не умею», чувствую слезы на щеках и внезапно появившееся настойчивое желание во всем следовать за этим металлическим голосом. Я вспоминаю все свои оценки в школе, все слова и взгляды – как не выиграла конкурс чтецов и забыла реплику в школьном спектакле, как мальчик, в которого я была влюблена в пятом классе, сказал, что я толстая... Когда воспоминания заканчиваются, я начинаю фантазировать и обвинять себя – причин много, бери любую. А затем внезапно я останавливаюсь.

Я смотрю на «Хозяина», или, вернее, «Чистильщика», и думаю, что его стоит покрасить в синий цвет и нарисовать белые ромашки на его черном костюме. Есть детские стишки про Шалтая-Болтая, которые мы должны были учить в школе, и вот он прекрасно подошел бы в качестве иллюстрации. Я представляю его, такого надменного и бесцеремонного, сидящим на узкой стене, откуда он упадет и разобьется – по правилам сценария, обязательно обрызгав все вокруг кетчупом, и начинаю смеяться. Это истерика, но она помогает сбросить с себя гипнотическое влияние и начать рассуждать здраво.

И я отхожу в сторону, не обращая внимания, что голова «Хозяина» повернулась вслед за мной, опускаю рюкзак на стол и под аккомпанемент барабанов и уничижительной критики достаю оттуда бутылки с «колой» и «минералкой». Открыв все, я подношу их к превратившемуся в магнитофон «Хозяину» и по одной выливаю в его «рот». Его коротит, и звук плывет, а затем с шипением прекращается вовсе.

– Что ты такое? – ругаясь, пытаюсь расстегнуть смокинг. Под пальцами я ощущаю что-то плотное, похожее на тонкий металлический лист или пластмассу. Похоже, что это корпус с компьютерной начинкой, а внутри – динамик. То есть настоящий источник угрозы, настоящий «Чистильщик» сейчас может быть где угодно!

Тихий хлопок и женский голос начинает отсчет программы самоуничтожения. Перед тем, как забрать с собой рюкзак и уйти, фотографирую карту на телефон, – там осталась только одна зеленая точка. Я.

Пустой город, полный трупов, мух и зловония, – это не то место, где я планирую провести остаток жизни. Тем более, при таком соседстве этот самый остаток вполне может оказаться короче, чем природой было заложено. Взглянем правде в глаза: природой ли, «Хозяином» ли, – мне абсолютно до лампочки кем или чем, я просто хочу жить и как можно дольше. И чтобы жить – нужно уметь думать.

Не буду врать, прежде всего, когда с «Хозяином» было покончено, а барабаны на веки вечные изъяты из эфира, я основательно порыдала. Жалко было и себя, и всех вокруг. Но потом, когда от плача уже даже саднило в груди, а слез больше не осталось, я внезапно успокоилась. Были, конечно, потом еще фальстарты, но их удавалось заглушить еще на подступах. И я начала искать выход.

В магазинах можно брать все, что угодно, и не платить. Разогреть полуфабрикаты легко на плите в любом доме, которые к моему удивлению, по большей части оказались необжитыми. Осмелев, я разбила окно в поликлинику и влезла туда набрать лекарств и бинтов на будущее – но она тоже оказалась пустая, как декорация для съемок. Та же самая ситуация с городской администрацией – более того, я не смогла найти на карте в кабинете «Чистильщика» ни вокзал, ни дорог в город. Как будто эти здания появились из ниоткуда для проведения чудовищного эксперимента. Но это же невероятно! Как тогда тут оказалась я? Почему тут жила бабуля Фроста? Покопавшись на чердаке, я нашла старые черно-белые фотографии – они кажутся настоящими. Почему сам Фрост решил отвезти нас сюда в экспедицию?..

Ответов было меньше, чем вопросов. Еще раз вернувшись к бабуле Фрост и собрав вещи, я перенесла свой чемодан и ноутбук в дом под вышкой – это место казалось безопаснее, потому что именно отсюда осуществлялась трансляция. Рано или поздно, но тут должен кто-нибудь появиться.

По карте «Чистильщика», теперь металлическим мешком валяющимся на полу, я поняла, что черные точки – это громкоговорители, и они установлены так, чтобы во всем городе не возможно было укрыться от их звучания. Источник же шел с радиовышки. Странным казалась зеленая точка – если она символизировала меня, то значит, должен был идти сигнал – сначала я думала, что проблема в телефоне, но когда я оставила его в лесу и вернулась к карте, точка вновь сияла в доме. Я вспомнила все голливудские блокбастеры о чипах под кожей, нервно посмеялась, но проверять не стала и покорно пошла обратно в лес.

За кабинетом обнаружилась диспетчерская, нашпигованная экранами. Центральная улица, парк и остальные достопримечательности как на ладони. Кроме того, отлично просматриваются все подходы к домику под вышкой. По-видимому, «Чистильщик» не любил незваных гостей.

Зато теперь я, одетая и причесанная, сижу в этой комнате, откуда открывается прекрасный вид на лес и горы, читаю Мураками и жду неумолимой катастрофы, которая непременно наступит, потому что чей-то эксперимент благодаря мне пошел прахом. Это место сейчас – единственное, где я могу быть в безопасности.

Терпение вознаграждается под вечер, когда я возвращаюсь из туалета, куда все же, не выдержав, зашла: организму все равно, что там снаружи, у него процесс круглосуточный. Едва переступаю порог диспетчерской, как вижу движение на одном из экранов: из стоящего перед зданием администрации черного «БМВ» с тонированными стеклами выходят двое мужчин. Они вооружены автоматами и одеты в камуфляж и совсем не похожи на того, кто звал себя «Хозяин». Это два совершенно обычных бритых качка с

квадратными челюстями. Я проверяю карту города: на ней нет никаких лишних зеленых точек, только я. Неучтенные люди? Как такое может быть? Они пришли за мной? Пришли спасти меня... или убить? Качки действуют профессионально, и я вижу на экране, как один из них пускает по пуле в головы тем трупам, которые лежат затылком вверх. О нет, они не спасатели! Это волки в человеческом обличье, добывающие «санитары» с пустым взглядом. Мне пора убираться.

Я хватаю свой рюкзак, карту и, крадучись, выхожу из дома, стараясь не надеть шума. К счастью, уже вечер, я в черных джинсах, темно-синей футболке, пусть даже и с миньоном, и легко сливаюсь со стеной. Но стоит мне сделать несколько шагов в сторону леса, как кто-то бьет меня по голове, и я падаю, теряя сознание.

3. Заключение

Сквозь темную мглу ко мне прорываются чужие холодные слова. Мозг, еще спящий, уже охвачен паникой. Я пытаюсь подняться и только сейчас понимаю, что на мне наручники, застегнутые за спиной. Поэтому я лежу на боку. Ноет рука, и, чуть приподняв голову, я вижу, что в районе локтя наклеена марлевая повязка. Похоже, пока я была без сознания, сначала у меня взяли кровь, а потом уже застегнули наручники. Снова проваливаюсь в спасительную тишину.

Не знаю, ни сколько прошло времени, ни где я. Меня заперли в каком-то помещении, напоминающем больничную палату, где нет окон, а единственная дверь, по словам седовласого мужчины, представившимся Корблом Киппом, – под напряжением. Судя по тому, как все вокруг него носились, он тут кто-то вроде директора. Поэтому я поверю его словам и не рискну лезть на рожон: в данном случае эксперимент может закончиться плачевно. Учитывая события последних дней, я готова поверить в то, что сошла с ума и все мне просто приснилось. Даже больше: я сама пытаюсь себя в этом убедить, чтобы понять, что происходит. Я не вижу других пациентов, и врачи со мной тоже не разговаривают. Время от времени заходит медсестра: ее лицо скрывает белая маска, оставляя открытыми только глаза. Ткань искажает голос, и я даже не уверена, что это одна и та же женщина.

У меня отобрали все вещи, и я не могу никуда позвонить или послать сообщение. Не могу проверить, есть ли в телефоне фотографии, которые, я помню, что делала.

Я готова поверить, что мне снился кошмар, если бы не люди в белых халатах, которые приходят дважды в день. Они задают вопросы о «Чистильщике», о звуках, о том, как я себя чувствовала и где находилась. Но же мой кошмар – они не могут знать, что именно я переживала? Или могут? Я отвечаю односложно, иногда специально обманываю, иногда не отвечаю вовсе, думаю о том, что, узнав нужную информацию, от меня попросту избавятся. Это не вызывает сомнений – если то, что было, не сон, то мое место – среди других обреченных.

Не знаю, сколько сейчас времени. Похоже, я крепко спала час или даже больше: кто-то приходил и развязал мои руки и ноги, теперь я даже могу сесть на кровати. Кружится голова. Рядом на тумбочке стоит стакан воды, и чей-то голос говорит, что мне стоит ее выпить. Я оглядываюсь, но никого не вижу. Отлично, теперь у меня точно галлюцинации.

Я выпиваю все, что в стакане, и откидываюсь на подушки. Безысходность накрывает душным одеялом. Что я сделала? Зачем я это сделала? И как мне теперь отсюда выбираться? Почти безразлично я поднимаю пустой стакан и швыряю его в сторону двери. Он, натолкнувшись на невидимую преграду в паре дюймов от металлической поверхности, рикошетит и, чуть отклонившись, по диагонали падает на пол, разбиваясь на мелкие

осколки. По двери на секунду пробегают фиолетовая рябь. За стеной раздается шорох, а затем наступает тишина.

Проходит несколько долгих минут, во время которых ничего не меняется. Время остановилось. Вязкий кисель ожидания, от которого нервы – как натянутая струна. Еще чуть–чуть – и лопнут, повиснут безвольными нитями. На полу все так же лежат осколки, и теперь я не только рискую получить удар тока, прикоснувшись к двери, но и изранить в кровь ноги, если решу спуститься и пройти. Отличное решение.

Наконец, дверь отъезжает в сторону, и на пороге появляется, занимая весь проем, серое прямоугольное устройство. За его массивным корпусом я вижу только длинный коридор и лампы дневного света на потолке. Похоже, что это пылесос. Приподнявшись на локте, я с долей изумления слежу, как даже относительно крупные осколки исчезают в длинном «горле». Пылесос на дистанционном управлении, и, очистив пол, он отъезжает к двери и пересекает порог. Дверь вновь возвращается на свое место. Теперь я точно знаю, что за мной наблюдают. Возможно, даже боятся.

Покрутив головой, я вижу в самом дальнем углу, напротив кровати, красный огонек камеры. Еще одна следит за дверью. Зеркало на стене тоже, наверняка, – двустороннее, и для кого–то я подопытная мышь. Я спускаю ноги с кровати и прохожу пару шагов. Тяжело, и в теле свинцовая усталость. Меня накачали наркотиком? Не важно. Сейчас я просто хочу выбраться наружу. Подхожу к зеркалу и со всех сил бью по нему кулаками. Если бы оно было настоящим, то наверняка пошла бы паутина трещин, но оно по–прежнему монолитно, а значит за ним – другая комната. Это просто окно. Отступаю, тяжело дыша. Если интуиция права, то я сейчас где–то в подвалах какой–то секретной организации. Не думаю, что они экономят на безопасности и ставят пластик, который можно пробить. Итак, что мы имеем? Всего одна дверь, и та под напряжением. Они знают, что я хочу выйти и что если не вижу их, то все равно догадываюсь об их непосредственном присутствии. Вопрос – кто они и что хотят от меня? Мне все больше нравится версия с инопланетянами из «Людей в черном», но, скорее всего, я сильно приукрашиваю действительность.

Подвинув кровать, чтобы она была точно под камерой, и встав на матрас, смотрю на переплетение уходящих в стену проводков и жалею, что я не электрик. Оглядываюсь по сторонам: зеркало на стене, тумбочка рядом с местом, где стояла кровать. Внутри, я уже знаю, пусто. Берусь руками за корпус камеры, надеюсь ее отломать, и даже поджимаю ноги, повиснув на ней, как на турнике. Секунда, не больше, – раздается треск, и камера виснет на проводах, глядя в пол. Я показываю язык в сторону зеркала и подталкиваю кровать к двери, напротив которой висит другая камера. Повторяю эксперимент, и хотя в этот раз по пальцам проходит слабый разряд тока, мне вновь удается вывести аппаратуру из строя.

– И что дальше? – вновь звучит неизвестный голос. Теперь я знаю, что он принадлежит наблюдателю за зеркалом. Голос явно мужской, и в нем мне слышится любопытство.

– Была мысль закрыть матрасом зеркало, –жимаю плечами. – Могу прислушаться к другим предложениям.

– Мы выпустим тебя, как только узнаем все, что нам нужно.

– Кто–нибудь когда–нибудь покупался на это?

– Сабрина, мы получим информацию – всю, как хотим. Это вопрос времени.

Тип назвал мое имя. Это прозвучало так... неправильно, что ли? Я передергиваю плечами. Подтягиваю матрас и сажусь напротив зеркала. Выбирать не приходится, поэтому остается только ожидание.

– А тебя как зовут?

– Мы так быстро перешли к стадии знакомства? – обладатель голоса хмыкнул. – А по базе шкала интроверсии у тебя низкая.

– Не уверена, что меня греет мысль о посвященной мне базе данных.

– Номер сорок три.
– Ты?
– Нет, ты. Подопытная номер восемьсот сорок три. А меня зовут Грег.
– Бред какой–то. Мне что, стоит этому радоваться?
– Остальные восемьсот сорок два испытание провалили, и из них пятьдесят – только моих. – Грег шуршит бумагами по ту сторону зеркала. – Поэтому, да, ты можешь радоваться. Мы с тобой идем на рекорд.
– И что меня ждет?
– Устранять мы тебя не планируем. Только если что–то пойдет не так.
– То есть в худшем случае вы меня устраните, а в лучшем – еще не придумали?
– До лучшего надо дожить, Сабрина, – серьезно произносит Грег. – В твоём случае иных вариантов нет.

Опираюсь спиной о стену. Восхитительно. То есть я участвую в каком–то кошмарном отборе. Что–то вроде «Остаться в живых» и «Голодных игр» одновременно. У них есть вся информация обо мне: физические особенности, психологический портрет. Биография, интересно, тоже? Где я вытянула этот счастливый билет? Скажите адрес, и я потребую компенсацию в нехилом таком количестве. По щекам одна за другой катятся слезы.

– Это что, розыгрыш? Грег, почему я?
– Эксперимент, если тебе больше нравится. А почему ты – что?
– Почему выжила только я?
– Странно, что ты не спрашиваешь, как вообще оказалась.
– Выиграла участие в фольклорной экспедиции. – Подношу пальцы к вискам и пытаюсь сосредоточиться. Против воли в голову лезут непрошенные воспоминания о гибели Стива.

– А тебе не приходило в голову, что если этого места нет на карте, то ничего хорошего там быть не может?

– Как нет на карте? Я же купила билеты, приехала... Просто ошиблась, поехала одна, за неделю до срока.

– Ну–ну. – Я слышу отрывистый смешок, и это меня злит. – Подумай на досуге, когда твои эмоции не будут влиять на суждения. А пока показатели зашкаливают, я не вижу смысла в продолжении беседы. Спокойной ночи.

Он не дает мне ответить, а просто включает какой–то газ, который проникает в комнату через вентиляцию в потолке. Белый плотный туман оседает вниз, и я чувствую, как мои глаза закрываются. Напоследок успеваю прошептать Грегу, что он козел.

4. Правда в первом приближении

Просыпаясь, я вижу перед собой того, кто называл себя «Хозяин». Он стоит в дальнем углу полутемной комнаты и блестит черными прогалами глазных впадин. Нехорошо так блестит, злобненько. По моей спине бегут мурашки, и я отодвигаюсь в самый дальний угол кровати, выставляя перед собой подушку, словно она может меня защитить. Хотя нет, она послужит отличным орудием для самоубийства, запусти сейчас «Хозяин» очередную свою порционную «пятиминутку ненависти». Эти гении в белых халатах, похоже, его починили. Я им Гарри Поттер, что ли? Убивать постоянно воскрешающегося злыдня?!

В животе растекается холод, и чем больше «Хозяин» смотрит на меня, тем больше я понимаю, что обречена. Оно и понятно – отмстить пришел. Хотя как он мог? Ведь дверь под напряжением, и тут всегда за стеклом Грег. Грег! Я бросаю взгляд на зеркало. В нем отражается только мое перепуганное белое лицо, перекошенное и с отпечатком подушки на

щеке. Волосы торчком и футболка с миньоном сейчас наглядно иллюстрируют то, что я и так знаю, – героиня из меня так себе.

– Снова здарсьте, – желчно обращаюсь к «Хозяину». Он, облокотившись о стену, складывает длинные тонкие руки на груди, не переставая улыбаться. – Не справившись один раз, теперь загнали в угол? И вся больничка вам в помощь?

– Как в такой мелочи может быть столько яда? – замечает «Хозяин», не дожидаясь, однако, ответа. Его прекрасный голос обволакивает, но я чувствую себя как в самом дурном кошмаре. Смотрю на него и просчитываю пути спасения: либо все это происходит под контролем Грега, а значит, умереть мне не дадут, либо, что более вероятно, Грега устранили, оставив меня на откуп этому существу. Может, тогда и с двери снято напряжение? «Хозяин» делает шаг вперед, я бросаю в него подушку, от которой он легко отмахивается. Она летит в стену и беззвучно падает на пол.

– Что вы хотите?! – кричу, переводя взгляд с «Хозяина» на дверь и обратно. Нужно поймать момент и бежать – все равно живой не уйти, так хоть попробую последний шанс. Грег наверняка там за стенкой уже труп, иначе не допустил бы, чтобы его единственный образец оказался наедине с этой нежитью.

– Что я хочу? – бархатный голос проникает прямо в ухо, и «Хозяин» уже держит меня за шею, прижимая спиной к стене. Оказывается, ручки у него не бутафорские, а вполне опасные, и я едва касаюсь матраса пальцами ног. Не сбежать, не уйти, не выбраться. – Я хочу ответ.

Хриплю, рвано вдыхая воздух. Холодные пальцы плотно сжимают шею, и я чувствую, как кружится голова от недостатка кислорода. Соображать становится все труднее. Еще чуть–чуть, и я упаду в пугающую темную неизвестность. На пару секунд хватка становится слабее, и я делаю большой вдох.

Лицо «Хозяина» слишком близко, чтобы я могла продолжать думать о его человеческой сущности. Прорезь рта, симметричные холодные черные глаза, внутри которых, скорее всего, какое–то следящее устройство. Где–то должен быть выключатель, наверняка должен быть... Я беспомощно пальцами хватаюсь за его руки, пытаюсь разжать их, расцарапать, причинить боль. Но ногти скользят по пластику, и я болтаюсь как пойманная рыба.

– Ответ, как ты могла сопротивляться?

Я не знаю. Мне не понять, как я могла сопротивляться, как вывела его из строя, если сейчас не в силах даже произнести свое имя. Краем глаза вижу, как он заносит руку для удара. Мне не выбраться. В голове каша, и сердце стучит о ребра, требуя кислород, которого нет. В глазах темнеет.

Странно, но я еще жива. Горло болит, и я пальцами ощупываю его, ожидая, что у меня там какая–нибудь металлическая трубка. Но, нет, я все еще человек. Поворачиваюсь на бок и смотрю в зеркало. На шее отчетливо видны фиолетовые следы. Значит, это был не сон.

– Как настроение? – в комнате раздается голос Грега. Тихий, словно виноватый. Впрочем, он и должен таким быть.

Мне не о чем с ним разговаривать, и я отворачиваюсь к стене, отмечая попутно, что комната приведена в порядок, и камеры на прежнем месте вновь мигают красными огнями.

Грег молчит с минуту, но потом снова пытается расположить меня к себе

– Я не хотел.

– Ты еще скажи, это вышло случайно! Я тут чуть не померла! – Бью ногой о стену. Больно, но зато теперь точно знаю, что стена настоящая, не картонная. Плевать на Грега, плевать на «Хозяина», плевать на всех. Только выбраться.

– Сабрина, прости меня. Я не должен был уходить с поста. – Я слышу, что слова даются ему с трудом, и мне приятно. Я злюсь на него и имею на это право. Он ушел с поста, он оставил меня. Как вообще он мог уходить, если я такой ценный экспонат в этом подземном музее ужасов? С другой стороны, я одиночка и не должна никому верить. Кто этот человек по ту сторону зеркала? Я, кроме имени, ничего о нем не знаю. Может, это он и есть тот идеолог, что разрушил мою жизнь и заточил в эту комнатенку? Он же сам сказал, что я какой-то там участник его эксперимента. Безумный доктор.

– Значит, не так уж я и нужна тебе, – бросаю зло, расчетливо. – Что, кто-то еще спасся, и я теперь отработанный материал?

– Нет. Наоборот, – Грег, похоже, занялся самобичеванием. Такого тоскливого голоса я еще в своей жизни не слышала. – В этот раз выживших нет.

– Еще один город? – Внезапно мне вновь становится страшно. Эти люди, уничтожающие ради какой-то вряд ли стоящей цели сотню человек за другой, – имеют ли эти люди вообще право называться «людьми»? Что они сделают со мной, когда я перестану быть нужной, уникальной? И почему, черт возьми, почему сейчас «Хозяин» пытался меня убить, раз я все еще единственная, кто сумел с ним тягаться?

– Да, еще один, – полным безысходности голосом подтверждает Грег. – УЧ справился в кратчайшие сроки. Кипп в ярости.

– Тип, который объяснял мне в первый день правила поведения? Ему-то что с этого?

Грег замолкает, словно обдумывая брошенную мной фразу. Я лежу на кровати и смотрю в потолок. Где-то далеко отсюда пару часов назад еще один город превратился в декорации. Простые прямоугольные блоки, где больше никто не живет, кроме мух и червей.

За стеной раздается шум, но я не поворачиваю голову. Мало ли, что там Грег делает. Может, ему срочно приспичило по нужде. Кстати, непонятно, почему я тут уже не первый день, а ни разу не почувствовала потребности ни в ванной, ни в туалете. Оттягиваю край футболки и незаметно нюхаю плечо – запаха нет. Может, я робот? Щипаю себя за руку – нет, не похоже. Да и прическа у роботов наверняка всегда аккуратная, – трогаю свои лохмы, все на месте, ровнее не стали.

– Эй, Грег, я хочу в туалет и расческу.

– Это невозможно. Согласно показателям, это тебе сейчас не требуется.

Недоуменно поворачиваюсь к зеркалу.

– Я по своей воле даже причесаться не могу?

– Ты находишься в запертой комнате, и я единственный, с кем ты поддерживаешь общение. Расческа не нужна.

– Зануда.

– Пойми правильно: это комната безопасности. Все продумано так, чтобы ты не могла нанести себе умышленный вред. Расческой ты можешь пораниться, – он говорит заучено, как под диктовку. Я показываю зеркалу средний палец.

– Или испортить камеры? И, да, эта комната очень безопасна, учитывая, что только что меня чуть не задушил ваш экспериментальный образец.

– Я уже признал, что это произошло по моей вине, и я догадываюсь, благодаря кому УЧ-22 попал сюда, поэтому приму все меры, чтобы это не повторилось. Тебе не о чем волноваться. А если ты будешь настаивать на ванной, то для начала мне снова придется тебя усыпить. Никто не хочет, чтобы ты разгуливала по коридорам мимо лабораторий.

– Есть я тоже не хочу? – В эту фразу вкладываю столько яда, что две-три гадюки точно бы обзавидовались.

Но Грег по-прежнему нудно бубнит, словно я его отвлекаю:

– После происшествия с УЧ–22 Миранда накормила тебя, отвела в ванную и передела в чистое. Все показатели в норме.

– Я чувствую себя персонажем игры–симулятора, – информирую Грега. – Над моей головой еще не горит зеленый ромбик?

За стеной вновь раздается шуршание. Я продолжаю лежать на кровати и смотреть в потолок. Мне безразлично, что он там делает. Мне совершенно не интересно, кто натравил на меня этого УЧ–22, и что это вообще за существо. Чистильщик. Я просто хочу выбраться. Интересно, на показателях отражаются мои мотивы поведения? Как вообще он их снимает?

В комнате вновь раздается голос Грега. На сей раз он прямо–таки лучится торжеством, и у него в самом деле есть причина собой гордиться, когда я слышу волшебные слова: «Сабрина, я снял с двери напряжение».

Недоуменно смотрю то на дверь, то на зеркало, но не решаюсь бежать.

– Ты меня проверяешь?

– Спасая я тебя, дурочка. Сверни из одеяла кулек в форме тела, лицом к стене. Я переключил камеры, они еще часов шесть будут транслировать твой мирный сон. Кулек на случай личной проверки нашим начальством.

– Откуда такая любезность?

– Тебя забирают из–под моей опеки. Передают Киппу, и я склонен подозревать, что УЧ–22 появился тут именно благодаря ему, – фраза звучит зло, и я на секунду представила, как эти двое дерутся из–за меня. Хе–хе, это было бы смешно, если бы не так страшно.

– То есть второе покушение я могу не пережить? В таком случае спасибо.

Сложив одеяло горкой, спускаю ноги с кровати и бегу к двери. Она отъезжает в сторону, и я, не мешкая, переступаю порог. Передо мной длинный коридор, по обе стороны которого расположены комнаты.

Чувствую, что кто–то хватается за руку, и я даже не успеваю среагировать, как оказываюсь в том самом полутемном помещении, где все это время был Грег. Мое внимание приковывает окно, за которым я вижу свою ярко освещенную больничную палату. На кровати лежит свернутое одеяло, и оно на самом деле со стороны похоже на тело. Дверь плотно закрыта, и ничто не указывает на то, что пленницы в комнате больше нет.

Прохожу дальше, слыша за спиной чужие шаги. Решаю, что пока не осмотрю тут все, поворачиваться не буду. А то вдруг мой тюремщик – робот с расплавленной начинкой и топором в голове, раз уж так внезапно ему захотелось организовать мой побег?

Под «окном» стоит консоль управления, мигающая зелеными и желтыми огнями. Несколько рычагов и кнопок, над некоторыми из которых что–то подписано. Наклонившись, читаю «газ», «тепло», «холод», «опасность», «помощь». Чуть выше – столбики тех самых показателей: «голод», «гигиена», «мочевой пузырь», «сон», «страх», «радость», «агрессия», «желание», «смертельная угроза». Судя по ним, сейчас я была сыта, чиста и находила радость во сне.

– Насколько их хватит?

– Часов на шесть. Потом «голод» загорится желтым, и мне потребуется вызвать Миранду. – Грег подходит ближе и кончиком указательного пальца касается столбика с пока еще зеленым «голодом». У него аккуратные руки с длинными пальцами и овальными ногтями. Хотя бы не робот, уже приятно.

– Но тебя тут уже не будет? – утвердительно замечаю, намекая на то, что побег в одиночестве из этого непонятого места кажется мне не слишком реализуемой затеей.

– Почему же? Буду, – он хрипло смеется.

– Ты чокнутый, – заявляю ему безапелляционно. – Мне не выбраться одной, к тому же я понятия не имею, что происходит.

– Я объясню, как ты сможешь бежать, но не более того. Пойми, Сабрина, я не могу покинуть лаборатории.

– У тебя под кожу вшита бомба, которая взорвется, стоит тебе выйти наружу?

Он вновь беззлобно смеется, а затем включает в комнате свет, нажав на одну из кнопок на консоли. Первые несколько секунд я моргаю, пытаюсь избавиться от красных кругов перед глазами, а затем, привыкнув к освещению, понимаю, почему Грег не может уйти. Мужчина, возвышающийся передо мной, определенно не был человеком. Вернее, он, скорее всего, был им, но довольно давно.

Я не вижу того, что скрывается под белым больничным халатом, но все его лицо и шея изуродованы проявившимися сетями артерий. Как дикий красный вьюн, они рисунком покрывают его голубоватую кожу с обеих сторон. Острый орлиный нос выдается вперед, как настоящий клюв. Голубые глаза смотрят на меня сверху вниз холодно и жестко, а на голове с самого центра лба, у края темных коротких волос, начинается гребень.

– Бомбы нет, но я весьма примечателен.

– Это, – сглатываю, стараясь не показать испуг, – от рождения?

– Да, дорогуша, и в этом мире, который ты зовешь домом, мутации – норма. С определенной точки зрения, мутант – это ты, потому что таких, как я, – большинство.

– Бред какой-то. Первый раз вижу такие... особенности внешности.

Прищурившись, самым наглым образом изучаю Грегга. Я мутант? Да, согласна, лицом и фигурой не вышла, но это же не повод обзывать. Тем более, что Грег по части внешней экстравагантности однозначно обходит все самые смелые рейтинги. Но всему должно быть свое объяснение. Допустим, на лице у него – татуаж, нос дважды, а то и трижды был в детстве переломан. А гребень... ну тоже что-то можно придумать. Если бы не обстоятельства нашего знакомства, я бы решила, что Грег – фрикер из какой-нибудь панк-тусовки.

– Не хочу тебя обидеть, но все же из нас двоих ты больше тянешь на роль мутанта.

– И тем не менее правда на моей стороне. Сейчас ты впервые видишь настоящего живого человека. И, – Грег жестом заставляет меня закрыть рот, – сейчас не время для твоих вопросов. Здесь, в лаборатории, среди людей, я отличаюсь от других только оттенками кожи и иным рисунком. Рисунок уникален, как отпечатки пальцев, – мы только выйдем к лифту, а все охранники будут знать, что я потащился на поверхность, где ни разу не был. А там, наверху, меня убьют наши же искусственные создания, приняв за демона.

– Сделаю вид, что не расслышала момент насчет выращивания традиционного представителя расы. Вряд ли ответ на этот вопрос будет прост и приятен. Но у меня есть еще одно доказательство того, что мутант – ты. Этот ваш Кипп похож на меня. Я его видела, он приходил без маски и был похож на обычного человека, как я.

Грег широко улыбается, демонстрируя ровные зубы. Точь-в-точь греющаяся под солнцем ящерица.

– Нет, Кипп просто принадлежит к элите, работающей на поверхности. Следит за мутантами, а потому носит их кожу. Вы называете это «дресс-код».

К горлу подкатила тошнота. Я сделала пару шагов назад, показывая жестом, что мне сейчас станет плохо. Обезоруживающе улыбаясь, Грег добавляет:

– Кожа искусственная. Та, которую снимали с мутантов, быстро портилась.

– Надеюсь никогда не узнать, как происходил данный процесс. Ты пойдешь со мной, если мы украдем для тебя костюмчик из кипповского гардероба?

– Какая шустрая! Пять минут знакомы, а уже «мы» и подстрекательство к преступлению, – Грег от души хохочет. – С тобой не соскучишься. Но в настоящий момент

эта идея не выдерживает никакой критики – мне не нужно на поверхность, а тебя найдут за считанные часы, пока мы не отключим маячок.

– Так он все–таки есть!

– А как ты думала? Нам же нужно следить за всеми нашими испытуемыми. Состояние современной экологии не позволяет нам присутствовать во время эксперимента, поэтому мы делаем все, чтобы отсюда иметь полный обзор.

– Тогда что ты предлагаешь? – Сажусь в кресло. Голова гудит: я не понимаю, кто я и что происходит, кого опасаться, а Грег, похоже, не настроен разговаривать. – И кто хочет меня убить?

Он прислоняется к консоли, спиной к стеклу, складывает руки на груди и молча на меня смотрит, словно обдумывая, есть ли смысл отвечать на вопросы. Приняв какое–то решение, он кивает сам себе:

– Минут пять у нас есть, а без информации ты можешь наделать глупостей. Маячок можно отключить на нижнем уровне. Но оттуда тяжело подниматься, поэтому сначала мы украдем для тебя пропуск на поверхность – он должен быть в хранилище, где работает элита. У меня нет туда доступа, но что–нибудь придумаем. А убить тебя хочет кто–то из консервативных местных. Не все люди готовы к тому, что наши потомки могут снова жить на земле. Еще вопросы?

– Зачем тебе это надо?

– Ты наш первый успешный мутант, и пока я единственный, кто смог вырастить традиционного представителя расы, который не попадает в зону действия Универсальных Чистильщиков. Поэтому, во–первых, я хочу посмотреть, что еще ты умеешь; а, во–вторых, мне жаль результаты своего труда. Ну и, – он отворачивается, и его голос звучит глухо, – мне надоело смотреть, как гибнут наши испытуемые. Может быть, ты сможешь им помочь.

– Оу.

Ответ исчерпывающий, но не уверена, что от этого мне стало легче. По–моему, стало только хуже, потому что Грег только что возложил на мои плечи огромную ответственность.

– Но если я убегу, тебя накажут.

– Сломают пару ребер, посадят в карцер, оставят на голодном пайке? – хрипло смеется. – Это стоит того. Да и, пока нет других спасшихся, я буду у Президиума на хорошем счету, надо ловить момент.

– А насколько... насколько все плохо?

– Порядком. Мы не могли вырастить полноценного представителя расы уже пару сотен лет. Нас, нормальных людей, – он шикает, когда я начинаю глупо улыбаться, – осталось двадцать три миллиона. Мы рассредоточены по континентам. Многие никогда не выходили на поверхность и не собираются. Смертность превышает рождаемость, потому что большинство представителей выжившего человечества оказались бесплодны. Кипп говорит, этот процесс нельзя остановить, – Грег качает головой, – сейчас двадцать ученых пытаются вывести полноценного представителя расы. Это только у нас, и я не говорю про другие страны. Чистильщик – это проверка работы, иного способа нет. Мы, люди, не можем уничтожать Чистильщиков, это карается смертной казнью. Они проверяют результаты нашей работы – а результатов фактически нет. Многие считают, что жить под землей и питаться химическими продуктами – это наш удел, и, пытаясь создать искусственного человека, мутанта, мы играем в маленьких алчных богов. Считают, что человечество обречено, и мы заслужили долгую мучительную смерть. Каждое новое провальное испытание лишь им на руку, и, я слышал, что уже появились те, кто хочет уничтожить нас и наши подземные города... Ты – это наша надежда, и если с тобой что–то случится, то вряд ли что–то их остановит.

Это похоже на сценарии всех фильмов о супергероях, которые я когда-либо смотрела. Но смотрела ли? Есть ли они, эти фильмы? Мне кажется, я схожу с ума: я помню, что еще неделю назад читала книги по морфологии, готовясь к экзаменам, но теперь Грег говорит, что я лабораторный эксперимент! Как это может быть?! Это слишком. Если бы он не был так убежден, если бы не пытавшийся меня убить Чистильщик, если бы не подробные ответы на вопросы, то я была бы уверена, что он ненормальный. Слишком много этих «если бы», слишком много. Остается только сделать вид, что я сейчас готова быть с ним заодно – потом разберусь.

– А как, как ты вырастил меня? Почему получилось только со мной?

Он бросает взгляд на руку – на запястье сияет голубым цветом круг с красной стрелкой:

– На это сейчас нет времени. Пойдем, нужно успеть, пока у элиты обеденный перерыв.

5. В омут с головой

По словам Грега, подземный город занимает несколько уровней. Чтобы выбраться из лаборатории и добраться до хранилища в Отделе Проверки, нам нужно пересечь второй уровень, на котором мы находимся, а затем подняться на первый на лифте. Все просто.

В качестве камуфляжа Грег приносит для меня белый халат, медицинскую шапочку и маску, почти полностью скрывающую лицо. Мы легко минуем пост охраны в лаборатории и выходим на улицу. И тут я понимаю, что еще чуть-чуть, и я порушу все наше прикрытие, потому что каждый предмет, попадающийся на глаза, изумляет и вызывает вопросы.

На наше счастье, улица, а вернее – единственный проспект, пустынна. С правой стороны – прямоугольные строения лабораторий. Между каждой – несколько шагов. По левую сторону тянутся узкие рельсы, и с заданной периодичностью по ним прокатывается тележка, груженная кувшинами, плотно прикрытыми непрозрачными крышками. Они выкатываются из низких квадратных наростов почти у земли и исчезают в таких же, метров на сто дальше. Верхний этаж поддерживается высокими широкими колоннами. Уровни Города расположены по кругу и, пройдя через параллели рельс и перегнувшись через перила по левую руку, можно увидеть сияющие кроны белых, зеленых и голубых деревьев. Они растут на самом нижнем – десятом уровне.

Вырубленные в недрах земли коридоры–туннели облицованы светлым материалом, напоминающим пластик, который светится в темноте. Мне хочется его потрогать, и, пока Грег предупреждающе не замечает, что химический состав может быть ядовит для моей кожи, я борюсь с искушением на каждом повороте. В городе на улицах нет ламп, и этот сияющий пластик их прекрасно заменяет.

Напольное покрытие мягкое, и я чувствую, как кроссовки пружинят при ходьбе, словно я иду по газону в парке. Кое-где в кадках даже растут кусты странного голубоватого цвета, постриженные в формы шара или ромба. Грег говорит, они искусственные и выведены в лабораториях. Сначала ученые–генетики хотели бросить вызов природному фотосинтезу, но потом, отчаявшись, просто создали куст, который питается органическими отходами.

Увлечшись, замечаю, что в кадке одного из кустов лежит чья-то ладонь. По ней ползают маленькие белые черви, но сама ткань выглядит здоровой, и это похоже на розыгрыш. Но затем из земли высовывается пара зазубренных корней, и, словно ножницами, они отрезают часть плоти и, проткнув насквозь, утаскивают с собой под землю. Мне хочется закричать, и я отчаянно сдерживаюсь.

– Грег... – начинаю я, пытаюсь обратить его внимание на кадку. Он нехотя поворачивается.

– Органические отходы также представляют собой последствия неудачных экспериментов. Идеальный способ переработки. – Грег легко подталкивает меня в спину, и я подчиняюсь. Крик замирает в горле.

Идем дальше. Не хочу даже знать, что было в кадке еще неделю назад. Ни за что. На десятый уровень, в сад, я тоже больше не хочу.

Город автономен. Система регуляции поддерживает в коридорах одну и ту же температуру, кислород проникает через узкие вентиляционные отверстия вдоль потолка, а также вырабатывается искусственно на одном из нижних уровней, поступая в город по трубам. Из-за этого в туннелях постоянно слышен ровный шум, похожий на гул двигателей.

Мы выходим к лифту, около которого дежурят два высоких типа. Они одеты в камуфляж, украшенный узорными вставками, символизирующими, по-видимому, ранг. У обоих на головах гребни, а кожа неестественного цвета. Левый раскрашен под игуану, и между пальцами, которыми он сжимает рацию, я вижу перепонки, как у жабы. Правый покрыт красновато-рыжим пушком, и издали похож на большого кота. Город фриков, ей-богу. На бедрах у обоих – по кобуре, и я не сомневаюсь, что оружие там вполне настоящее. Грег шепчет: «Без паники» и идет, как шел, а мне же каждый шаг дается с трудом. Вся идея кажется пустой и непродуманной. У меня дрожат ноги и руки, во рту сухо. Я отчетливо понимаю, что если мы сейчас хоть в чем-то ошибемся, нам не жить, пусть Грег – единственный, кто отличился в создании биологического жизнеспособного образца, а я и есть, по его словам, этот славный образец. Пуля в лоб – и никаких проблем: «Грег, ничего личного, но если получилось у тебя, то получится и у другого».

Левый охранник вынимает оружие и наставляет на нас. Я отчаянно подавляю желание спрятаться за спину Грега, а еще лучше – сбежать обратно в палату и зарыться там под одеяло, чтобы только нос торчал. Но, нет, раз уж мы начали, то нужно идти до конца.

– Грег Вайс, ученый-генетик, второй уровень. Мне нужно переговорить с Отделом Проверки об испытываемой восемьсот сорок три. Со мной практикантка Миранда Дан.

– Ждите. – Игуана включает базу данных на левом предплечье и, листая ее большим пальцем правой руки, что-то шепчет себе под нос. Наконец, он останавливается. – Разрешение на подъем есть.

Грег спокоен, словно каждый день нарушает закон, а я не могу пошевелиться. Я каменная: все мышцы напряжены до предела. Двери лифта открываются. Внутри никого нет. Неужели все получится? Я не могу поверить в удачу, и Грег заметно подталкивает меня в спину, заставляя сделать пару шагов и войти в лифт.

За нами закрываются двери, и я устало приваливаюсь к стене бесшумно поднимающейся кабины. По шее сзади катится пот. Я чувствую, как горят щеки. Казалось бы, я уже прошла через горы трупов, дважды пережила попытки моего убийства, нашла общий язык со своим тюремщиком, – есть ли что-то, более сложное? Знаю, есть. Сложное даже не начиналось.

«Тут камеры», – повернувшись ко мне вполоборота, тихо замечает Грег. Я киваю. Он представил меня охранникам как Миранду, свою помощницу. Это та самая девушка, которая занималась моей гигиеной и питанием. Я ее не знаю, но благодарна ей за заботу, даже если она просто выполняла свои должностные обязанности. Теперь мы и ее втянули в наш опасный план. Надеюсь, с ней все будет хорошо. Лифт издает мелодичный звук – очевидно, мы прибыли на первый уровень, и сейчас будет самое интересное.

Пройдя мимо двух других охранников, которые уже ждали наше появление, мы оказываемся в полукруглом холле. С одной стороны него, как и на втором уровне, – рельсы и балкон, а с другой – три широких туннеля. Грег изучает пальцем тонкую голубоватую пленку, висящую в воздухе, – карту уровня.

– Мы на Площади. Отсюда можно попасть в Президиум, но там нам делать нечего. Думаю, правильнее всего пойти по второй дороге – к Отделу Проверки. Третья ведет в Отдел Порядка, но там сидят крючкотворцы, у которых мы ничего не получим, – Грег тихо бубнит себе под нос, вглядываясь в тонкие сверкающие линии. – Вот, хранилище должно быть за воротами Отдела Проверки, первая дверь налево.

– Подождем до вечера?

– Вечером нам отсюда не уйти: лифт блокируют. Готова прорываться с боем? – Грег смотрит на меня насмешливо, словно проверяя на прочность. Разумеется, я покупаюсь на эту уловку.

– Размажем их по стенке!

– Эй, полегче, мы все-таки о моих сородичах говорим. – Он вновь надо мной смеется, вот гад. – Нет уж, попытаемся без жертв. Поэтому молчи и следуй за мной. Мы с Мирандой тут, бывает, забираем образцы на исследования, поэтому охранники не удивятся нашему присутствию.

Я не спрашиваю Грега, куда ведут другие дороги, да и вообще не открываю рот, а просто, как он сказал, тащусь за ним. Его крепкая спина придает мне сил, и я прячусь, как за скалой. Нам навстречу иногда попадаются другие люди – многие из них одеты в дорогие костюмы и похожи на меня. Быть «мутантом» – настолько модно, что они и в своем доме продолжают маскарад? Или искусственную кожу так трудно надевать и снимать? Иногда я ловлю недовольные взгляды, направленные на меня и Грега. Элита не любит, когда ее тревожат. Мы тут нежданные гости, и каждый будет рад поскорее выставить нас за порог.

Наш туннель упирается в дверь, у которой дежурят еще двое охранников. На плечах обоих – фиолетовые широкие ленты. Знаки отличия. Оба охранника одеты в камуфляж коричневого цвета. Лицо одного – в шрамах, кончающихся где-то ниже ключиц. Его глаза красны, а на голове – не гребень, а россыпь коротких округлых рожков. Второй же бледен, и его скулы, щеки и шею покрывают сине-черные паутины артерий и капилляров.

– Грег Вайс, ученый-генетик, второй уровень. Со мной практикантка Миранда Дан. Для нас подготовлены образцы.

– Грег Вайс, Миранда Дан? – переспрашивает охранник с рогами и сверяется с базой данных на предплечье. – Гм, допуск есть. Барри, просвети их.

Барри – напарник рогатого – направляет на нас с Грегом по очереди треугольный механизм, сканирующий тела. За секунду в моей голове проносятся все возможные опасения: от того, что мои гены – не человеческие, и до того, что у Барри могут быть сохранены данные Миранды, с которыми я, конечно, не совпаду. Внутри треугольника возникает сплетение синих лучей, напоминающих мужское тело: широкие плечи, узкие бедра. От головы и до половины спины лучи толще, и я понимаю, что они имитируют гребень Грега. Он все-таки настоящий. Вот бы потрогать. Изображение пропадает. Моя очередь.

Линии в треугольнике перемешиваются вновь, и их сплетение показывает худой женский силуэт. Ни гребня, ни рогов, ни копыт, ни крыльев. Грудь тоже практически нет. Ощущаю себя в каком-то роде даже ущербной. Сердце гулко стучит, и я отмечаю каждый жест, каждое выражение лица Барри. Он смотрит на треугольник, затем сверяется со своими данными. Рогатый молча ждет, и, наконец, Барри кивает.

Рогатый набирает код, и дверь в Отдел Проверки отползает в сторону. Едва веря в то, что у нас получилось, я спешу сделать первый шаг. Грег бросает на меня недовольный взгляд: «Миранда!». Я послушно замираю и смотрю в пол, позволяя ему первому пройти в помещение. Захожу вслед за ним, и дверь медленно возвращается на прежнее место. Теперь мы заперты здесь, и выйти можем только так, как пришли.

Перед нами просторное полукруглое помещение, похожее на поляну. В центре нее – большая колонна, на которой висят какие-то документы за пластиковыми стеклами.

Подойти и прочесть – нет времени, и я покорно поворачиваю вслед за Грегом в первый слева туннель.

Он короткий. Мы не проходим и пары сотен шагов, как упираемся в дверь с кодовым замком. Грег злобно что-то бросает, но я не понимаю смысл слов. На двери – консоль с кнопками и окно с мигающим «Заперто. Разрешения нет». Грег приближается к консоли так близко, словно вот-вот коснется ее носом, и, прищурившись, изучает кнопки.

– Семь. Два. Три. Девять. Четыре, – наконец, отодвинувшись, произносит он. – Сто двадцать комбинаций. В лучшем случае, ошибиться можно трижды. Если они меняли код, то подсчет не имеет смысла. Ну что, Сабрина, рискнем?

Я киваю. У нас три попытки подобрать один-единственный верный код. Бессмысленно уходить, даже не попробовав, а те чрезвычайно вежливые охранники вряд ли будут так любезны поделиться конфиденциальной информацией. Возможно, даже ее и не знают.

– Первая попытка – тебе, – великодушно предлагает Грег. Настоящий джентльмен, пусть и с гребнем, как у динозавра.

– Набери по старшинству.

Он по очереди нажимает: два, три, четыре, семь, девять. В окошке загорается предсказуемое «Ошибка. Код введен неверно». Грег хмыкает и набирает цифры в обратном порядке. Надпись в окошке не меняется.

Остается всего одна попытка. Похоже, наш виртуозный план приказал долго жить. Схватят нас тут сейчас и в карцер. Помню, Грег что-то говорил о весьма красочных пытках. Да и плотоядный садик на десятом уровне может гарантировать долгий и мучительный процесс искупления и покаяния. С другой стороны, я не верю, что все может закончиться вот так: в туннеле, на полпути к выходу на поверхность. Что же это за бунт, если никто его не заметит?

Грег виновато на меня смотрит и проводит рукой по гребню, словно почесывая его в раздумьях. Нет, он не должен себя винить. Он просто поддался моим уговорам. Если кто и должен сделать последний шаг, то не он, ни в коем случае.

Я подхожу к консоли и набираю цифры через одну: три, семь, два... Кнопки мягкие, и палец каждый раз проваливается, словно в вату. Мы с Грегом едва дышим, вслушиваясь в писк и монотонное жужжание механизма.

Четыре. Девять. Замираю, напрягшись. Грег кладет руку мне на плечо. На экране загорается надпись: «Код неверен. Дверь заблокирована. Активирована система безопасности». Еще одна причина, почему я не Джеймс Бонд.

Щелкает затвор. В ту же секунду Грег толкает меня на пол, в сторону. Мы падаем, и над нами летят выпущенные из скрытых орудий пули, врезаясь в стены и опускаясь черными металлическими мухами на светящееся покрытие.

Грег прижимает меня к полу своим телом, не давая подняться. Его ровное теплое дыхание согревает мой затылок, и спиной я чувствую стук его сердца. Пальцы по-прежнему лежат на моем плече, и, когда пули, звеня, падают на пол, Грег рефлекторно сжимает хват сильнее. От удара болят колени и ладони, но, главное, – мы оба живы.

– Прости, но тебе придется подниматься на поверхность без документов, – сообщает Грег, тяжело дыша. Киваю, стучаясь подбородком о пол. Мысленно ругаю себя и перебираю все возможные комбинации цифр, до которых не додумалась, которые не угадала. Я не знаю, как бы перенесла смерть Грегга. Смерть, которая была бы на моих руках. Убийство по незнанию, выпестованное самоуверенностью. Я маленькая наивная дурочка, играющая в свою жизнь в режиме бога и без читов, теперь еще и в мультиплейере.

Грег переворачивается на спину, скатившись с меня. Сразу становится холоднее. Признаться, я даже на секунду пожалела о том, что больше не чувствую его тепло и тяжесть тела. Какая-никакая, но иллюзия безопасности. Глядя в потолок, Грег

похлопывает меня по боку и хрипло смеется: «Боевое крещение». Я смеюсь вслед за ним, чувствуя слезы в уголках глаз. Это стресс, ничего больше.

В соседнем туннеле слышен нарастающий шум. Голоса, стук каблуков о пол, щелканье снимаемого с предохранителей оружия. Мы с Грегом переглядываемся. Не нужно быть Эйнштейном, чтобы понять – нас, потенциальных изменников, вскоре будут убивать долго и со вкусом. Кто-то от этого, несомненно, будет получать глубокий эмоциональный кайф.

Мы встаем на ноги и, не сговариваясь, бежим к выходу из туннеля, надеясь успеть раньше ребят из соседнего коридора. Грохот за стеной подгоняет, пуская адреналин в кровь. С головы слетает белая шапочка, но нет времени за ней возвращаться. В боку колет от быстрого бега, и я начинаю задыхаться, когда мы, наконец, попадаем вновь на поляну с колонной. К моему удивлению, Грег бежит не к воротам, а к едва заметному туннелю напротив.

В туннеле, куда мы все-таки успели, жутко воняет. Сквозь медицинскую повязку, которая все еще на мне, запахи проникают все равно, но, надеюсь, не в полном объеме. Иначе это похоже на химическую атаку. Каждая клетка моего тела сейчас требует противогаз, а лучше – два и освежитель воздуха в придачу. Запахи смешиваются, и невозможно выделить один, хотя все они кажутся знакомыми.

– Мусоросборник, – односложно поясняет Грег, прикрывая лицо полой халата. Не думаю, что от такой защиты есть смысл.

Светлое покрытие коридора тут и там испачкано желтовато-бурыми разводами. Некоторые из них похожи на капли, другие – на размытые лужи. Уборщица явно в эти края не захаживает. Этот факт не удивляет, но расстраивает. Коридор не прямой, и чем дальше мы идем, тем труднее дышать. Звуков погони за спиной нет, – наши преследователи либо решили искать нас в более чистом месте, либо разумно рассудили, что мы тут попросту задохнемся, а значит, можно не тратить силы.

Когда зловоние становится совсем невыносимым, я вижу в конце туннеля свет и ускоряю шаг. Напрасно я это делаю, ох как напрасно. Туннель выходит прямо к озеру, которое и является тем самым «мусоросборником». Над ним витают полчища мух, и это не удивительно – озеро состоит из останков обнаженных человеческих тел. Едва увидев трупы, я резко разворачиваюсь и бегу обратно. Не хочу туда, ни за что на свете. Я уже насмотрелась, и этого вполне достаточно!

Голова кружится от вони и от осознания причин этого невыносимого запаха. Мучившие меня уже с начала коридора рвотные позывы, наконец, беспрепятственно находят выход наружу. Едва успеваю снять марлевую повязку с лица и опуститься на колени, чтобы, держась за стену, изрыгнуть на грязный пол полупереваренное содержимое желудка. Который уже раз за эти дни? Мой бедный желудок. Бедная я.

Зловоние в коридоре становится еще более отвратительным. Утираю повязкой лицо и бросаю ее тут же, не желая более прикасаться. Медленно поднимаюсь на ноги и подхожу к Грегу, задумчиво разглядывающему озеро тел. Я готова умолять, ползать на коленях, если это поможет нам поскорее убраться отсюда.

– Пожалуйста, скажи, что мы оторвались от погони, и теперь можем вернуться? – Поворачиваюсь спиной к озеру, чтобы смотреть только на поглаживающего гребень Грега. Мне не нравится его взгляд, очень не нравится.

– Сабрина, ты умеешь плавать?

– Что? – Мне показалось, я ослышалась, но этот чокнутый ученый, не дожидаясь ответа, начинает расстегивать халат, и так державшийся уже на двух-трех пуговицах. Отлично, единственный напарник и, не побоюсь этого слова, союзник, двинулся умом, надышавшись трупного запаха. Нам бежать надо, а он решил искупаться среди мертвецов. – Грег, не вздумай!

Он оглядывает меня просветленный взглядом. Теперь я знаю, как смотрят буддийские монахи, обретшие Нирвану. Взгляд бессмысленный и счастливый одновременно.

– Сабрина, подумай сама: с той стороны нас ждут. Они, если и не поняли сразу, куда мы делись, рано или поздно вспомнят об этом туннеле. Мусоросброс проходит через все уровни и заканчивается на девятом. Мы симитируем собственную смерть, а потом, когда они успокоятся, придумаем способ бежать.

– Звучит дельно, но я не понимаю, что ты задумал, – подхожу ближе. Грег уже снял халат, оставшись в плотных брюках и футболке, и теперь размахивает им как лассо. С виду на нормального человека он совсем не похож, но в речи логика еще проскальзывает.

Грег, размахнувшись сильнее, отпускает халат, и тот падает далеко от нас, ближе к стене, накрывая несколько тел.

– Снимай свой. – Командует, едва не пританцовывая от осознания собственной гениальности, которую нужно еще облечь в слова, чтобы и другие порадовались. – Я его заброшу подальше, и со стороны будет казаться, что ты и я утонули.

Что ж, идея достойна рассмотрения. Аккуратно снимаю халат и передаю его Грегу.

– Но плавать я все равно не умею. Никогда не пробовала. В море побарахтаться – пару раз, да, было, но ты явно хочешь погружение.

– Не важно. Будешь держаться за меня. Другого пути все равно нет. – Грег, раскрутив халат, отправляет его в свободный полет, и вот уже на озере два прикрытых труп.

– Думаешь, они не проверят?

– Они не будут делать это сами, попросят Нию. – Грег садится на пол и начинает расшнуровывать ботинки. – Тебе тоже надо разуться.

Помешкав, подчиняюсь и сажусь на пол, выбрав место почище. Похоже, я привыкла к вони в туннеле, и она кажется уже не такой сильной. Во всяком случае, с ней можно мириться.

– Кто такой Ния?

– Такая. Ученый–патологоанатом. Со стороны тебе, наверное, кажется, что мы каннибалы или психи, упивающиеся культом смерти. Нет, совсем наоборот. Те, кто имеют дело со смертью, в нашем Городе – изгои. Их боятся и уважают одновременно. Ния живет на девятом уровне, и весь этот поток попадает к ней. Мы нырнем поглубже, до самого шлюза. Он открывается часто, пропуская каждый раз по одному телу. Поэтому даже лучше, если ты будешь за меня держаться, – не потеряемся.

– А что потом?

– Ты серьезно думаешь, что я уже тут плавал? – Грег по одному бросает свои ботинки и мои кроссовки в озеро, и они застревают между тел. Жуткое зрелище. – Сообразим по обстоятельствам. Готова?

Я не готова. Я хочу еще посидеть тут и пожалеть себя и то, в каком положении оказалась. Я хочу поплакать и полежать, глядя в потолок, почитать бессмысленные статусы в фэйсбуке и лайкнуть пару десятков фотографий кошек. Но все это возможно только в чьей–то другой жизни, не моей и не сейчас. Поэтому я киваю и, подойдя к Грегу, плотно обхватываю его за шею и, перебарывая себя, прижимаюсь.

Я никогда и ни к кому не стояла так близко. Это странно – чувствовать под руками чужое горячее тело. Обычно люди меня смущают, и прикоснуться к собеседнику – мысль абсолютно дикая и вызывающая оторопь. Отворачиваюсь, стараясь не смотреть на шею Грега и выступающие ключицы, кадык. Мне неловко, и вся смелость мгновенно улетучивается. Щеки горят, и я бы охотнее сейчас провалилась сквозь землю, чем стояла вот так, обнимая совершенно незнакомого человека, который, да, соглашусь, уже который раз рискует, спасая мою жизнь.

Грег подхватывает меня под ягодицы и приподнимает, заставляя скрестить за его спиной ноги: «Так надежнее». Композиция коала на дереве, акт первый. Для большей уверенности сцепляю руки в замок, ощущая под ними плотный гребень, выступающий над позвонками. В детстве у меня был каучуковый мячик, чуть шершавый и плотный, – гребень на ощупь точь-в-точь как тот мячик, только больше, теплее и явно тяжелее. Закрываю глаза и, пряча голову на груди Грега, фыркаю над собственной глупостью.

«Держись», – шепчет он и, оттолкнувшись, спиной падает в озеро. Мягкие тела безропотно принимают вес. Через ткань футболки и джинсов я чувствую холод и податливость гниющей плоти. Грег руками раздвигает тела, и постепенно мы опускаемся все ниже и ниже. Моих ног и спины, сцепленных в замок пальцев то и дело касается чужая кожа. Как одержимая, я повторяю, что это всего лишь медузы.

Медузы хотят познакомиться.

Медузы стремятся к теплу.

Медузы безобидны.

Все сильнее прижимаюсь к Грегу. Под моим ухом ровно стучит сердце. Как кузнечные меха, работают легкие. Грудная клетка то поднимается, то опускается. Мне кажется, я на корабле, и это успокаивает.

Внезапно спины касается прохлада. В озере, помимо трупов, есть вода или же иная жидкость, похожая на нее по консистенции. Открываю глаза и понимаю, что вокруг кровь. Озеро крови, и мы оба в ней перепачканы с ног до головы. Рядом мертвецы. Десятки, сотни. Они бок о бок со мной, и если я не чувствую их прикосновений, то лишь потому, что их слишком много.

Меня охватывает ужас, и я хочу выбраться наружу, вернуться на берег. Против воли расцепляю руки и пытаюсь оттолкнуться. Словно обезумевшая, бью ладонями по телам вокруг, в надежде найти опору. Выше, над нами, потолок уже едва виден. Трупы вновь смыкаются, отрезая нас от живого мира. Паника, и ничего, кроме паники. Ни единой здоровой мысли.

Грег обхватывает меня одной рукой, вновь прижимая к себе. Его лицо наполовину в чужой крови, и от этого голубые глаза выглядят зловеще. Мне страшно. Я боюсь, что мне не хватит воздуха, что я задохнусь. Отталкиваюсь от Грега, пытаюсь выплыть наружу, но он хватает меня за ногу и возвращает на прежнее место. Я не понимаю, где я. Ничего не понимаю.

Я слышу, что он что-то говорит, но смысл ускользает. Вижу только медленные движения губ и нахмуренный лоб. Собираюсь с силами и концентрируюсь на глазах Грега, как на маяке.

Одна секунда, две, три... пять. Наконец, я слышу его успокаивающий голос:

– Сабрина, посмотри на меня. Посмотри на меня. Все в порядке.

– Мы плаваем в чужой крови в озере среди гниющих трупов. Это в порядке?

– Шлюз ниже, всего пара метров. Нужно нырнуть. – Он ободряюще гладит меня одной рукой по спине, отодвигая другой рукой труп. Тот с хлюпающим звуком отплывает в сторону.

– Не могу. Прости, не могу.

– Ты справилась с Чистильщиком. Неужели сейчас не сможешь просто закрыть глаза, набрать воздуха и нырнуть?

– Не бери меня на слабо, это не тот случай.

– Тогда я вижу только один способ. Закрой глаза, – шепчет он, и я подчиняюсь. Не знаю, о чем он думает, но я не буду нырять. Я не смогу погрузиться с головой в чужую кровь и оказаться наедине с трупами. Это выше моих сил.

Грег касается своими губами моих, и я вздрагиваю от неожиданности. В ту же секунду он ныряет, продолжая поцелуй. У меня нет другого выхода, только прижаться

крепче и постараться не паниковать. Головой я понимаю, что это не сколько поцелуй, сколько передача кислорода, и поэтому посягательство не так обидно, но все остальные чувства обострены до предела, и, да, ни о чем другом я не думаю, покорно позволяя ему нырять в озеро крови еще глубже. Это длится всего несколько десятков секунд, не дольше, – открывается шлюз, Грег нас туда вталкивает, и мы уже летим, все также в объятьях, вниз по спиралевидной горке с ответвлениями.

– Ты подлый обманщик. Я же никогда не целовалась! Варвар, – замечаю, оторвавшись от его губ. Он обводит их языком, и я заморожена этим жестом настолько, что в первую секунду даже не замечаю, что мы оба в крови – одежда, тело, лицо, волосы.

– Цель оправдывает средства. Не принимай это близко к сердцу. Кстати, напомни, чтобы Ния тебе маячок подкожный отключила.

6. У Нии

Горка оканчивается на девятом уровне, и мы с Грегом, уже расцепившись, съезжаем в глубокий бассейн, наполненный мутной коричневой водой. Из-за большой скорости мы погружаемся с головой, что, с одной стороны, даже приятно – часть крови с лица и волос смывается. Вода освежает. Я делаю несколько гребков, чтобы выплыть на поверхность, и, вдохнув чистый воздух, обнаруживаю точно перед собой – дуло пистолета. Не раздумывая, мгновенно ныряю, но сильная рука хватает меня за шиворот и вытаскивает обратно.

– А говорила, плавать не умеешь. – Грег подталкивает меня к краю бассейна, где сквозь мокрые ресницы я вижу вооруженную девушку в темно-синем комбинезоне.

– Начинать никогда не поздно, – пыхчу, вылезая на покрытый искусственной травой пол. Промокшая одежда холодна, и я чувствую, как по телу бегут мурашки. Обхватываю себя за плечи, чтобы согреться. С джинсов на пол бегут не ручьи, но водопады. Следом за мной, слышу, из бассейна вылезает Грег.

– Вайс, как это понимать?! – Судя по бурной реакции и отчаянному жестикулированию, это та самая Ния. Она уже убрала пистолет в кобуру на талии, и сменив его на вытасченный из кармана фонарик, с любопытством нас рассматривает. На уровне полумрак, и яркий свет фонарика бьет в глаза, я закрываюсь от него рукой. Луч перемещается на подошедшего Грега. – Ты притащил ко мне мутанта? Живого мутанта?

– Ния, это Сабрина. Сабрина, это Ния, – бодро рапортует Грег, стягивая через голову футболку и выжимая ее. В свете фонарика капли падают на пол, словно жемчуг, и тут же впитываются в темно-зеленое покрытие. Обнаженная спина Грега, которую я снова перед собой вижу, покрыта, как и лицо, тем же узором проявившихся артерий. – Мы поживем у тебя некоторое время?

– Ты предлагаешь мне спрятать в своем доме парочку преступников, из-за которых оба верхних уровня Города объявили красную тревогу? – Ния выключает фонарь и нарочито медленно тянет слова, пристально меня разглядывая. Мне не по себе от ее странного выражения лица. Будто я перед ней голая, и она меня заживо препарировывает. В ответ рассматриваю ее, подавляя зависть. Высокий рост, фигура типа песочные часы, которую мне никогда не достичь. На оливковой коже выделяются позолоченные татуировки. Две темные широкие косы, похожие на свернувшихся змей, украшают голову, и если бы не семь пальцев на каждой руке и не ярко-зеленые глаза, почти без белков, – я бы даже назвала ее хорошенькой. Ния, наконец, кивает. – Предложение заманчивое, однозначно.

– Снова вместе, как в старые добрые времена? – Грег улыбается, и я вдруг ловлю себя на мысли, что ревную. Притащил меня к своей бывшей, где, думает, никто искать не будет. Никакой дальновидности, хотя, казалось бы, ученый.

– Те времена не были добрыми, доктор Вайс–младший, – холодно замечает Ния. – Мы оба знаем, что по одиночке пропадем.

Развернувшись, Ния идет вдоль бассейна к туннелю вдали. Грег, механически похлопав меня по спине, следует за ней, ускоряя шаг. Поэтому я замыкаю процессию, рассматривая девятый уровень, где мы оказались, и размышляя над странным диалогом. Беру свои слова назад, Ния – не бывшая. Такими темпами они с Грегом скорее банду сколотят, чем встречаться станут. Хотя у этой парочки явно есть мрачный секрет, а то и два.

Девятый уровень напоминает лес. Тут и бассейн, в который с глухим плеском падают тела, и выход в сад светящихся деревьев на десятом уровне, которые, как я уже знаю, питаются мертвечиной. Ния ведет нас мимо высоких статуй, вытесанных из камня, и я задираю голову, чтобы получше их рассмотреть. «Священное место, где Ния проводит ритуалы», – шепчет мне на ухо подошедший Грег, указывая на прямоугольный столик перед статуями. Брр, надеюсь, она там не приносит кровавые жертвы. Хотя, нет, если кровавые жертвы приносят деревьям, то богам должно быть что–то более существенное. Полцарства или голова врага на серебряном блюде.

– А за этой дверью Ния ищет корень жизни. – Грег машет рукой в сторону широкого коридора, уходящего вглубь уровня. Там темно и тихо. Вздрагиваю: Ния – патологоанатом, и, похоже, там морг. Надо запомнить, где он находится, и близко не подходить. Даже если оттуда будут доноситься странные звуки, и тем более – если не будут.

– Она работает одна? Не страшно ей?

– А ты думаешь, она для прикола оружие носит? Раньше Ния работала с отцом. Теперь его нет, и всем королевством заправляет маленькая принцесса. – Грег мнет в руках свою футболку и с тоской смотрит на идущую впереди девушку. – Кроме меня тут никто не появляется.

– А у вас типа отношения? – Вопрос сам с собой срывается с языка, и я готова провалиться сквозь землю, но Грег спокойно отвечает, словно я не вторгаюсь в его личное пространство:

– У нас типа совместный проект. Обычно ученые–генетики и ученые–патологоанатомы работают раздельно. Как я уже говорил, девятый уровень – терра инкогнита для большинства жителей Города. Генетики предлагают способы зарождения жизни. Патологоанатомы – причины, по которым генетики потерпели фиаско. Мы по разные стороны баррикад и обычно не встречаемся друг с другом. Единственный способ общения – отчеты о проведенной работе, но каким–то образом наши с Нией отцы познакомились и решили, что совместная деятельность принесет больше пользы. Так это или нет, – не знаю, но полученные результаты стоили обоим жизни, – Грег замолкает, и я оказываюсь между двух огней: более рассудительная я хочет узнать подробности, но более эмоциональная – посочувствовать и обругать себя последними словами. Побеждает любопытство:

– И к каким выводам они пришли?

– Никто, кроме Отдела Проверки и Главы Президиума не узнал. Все отчеты были уничтожены, исследования – свернуты, а наши отцы объявлены изменниками. Их казнили, введя смертельную дозу яда. Мы с Нией пытались возобновить проект, но получили недвусмысленное предупреждение этого не делать. Поэтому начали другой, втайне ото всех, но о выводах говорить еще рано. Два года назад кто–то вскрыл хранилище в Отделе Проверки, чтобы выкрасть документы по делу наших отцов. Преступник не был пойман, но зато мы с Нией попали под раздачу, и она с тех пор на меня злится.

– Причем тут ты? – недоумевая, смотрю на Грега и вдруг вспоминаю, как совсем недавно мы пытались влезть в секретное хранилище. Мой бывший тюремщик – взломщик–рецидивист?

– Ние хочется верить, что документы в надежных руках, и она обижается, когда я говорю, что их не крал. Вот так: сделаешь плохое дело – виноват. Не сделаешь плохое дело – виноват вдвойне. Но она милая, вы поладите.

Когда я уже готова сесть на землю и объявить забастовку, мы подходим, наконец, к дому Нии. По размерам он ничуть не уступает огромным лабораториям на втором уровне. Прихожая, кухня, совмещенные туалет и ванная, две жилые комнаты и библиотека. Несмотря на то, что мы вытерли ноги у порога, на паркете все равно остаются мокрые следы – отчаянно течет с одежды и волос, – и Ния, покопавшись в шкафу, дает мне свои футболку, шорты и провожает в ванную, отправив Грега «разгребать мусор».

Увидев себя в зеркале в ванной, я чуть не начинаю заикаться от ужаса. Белое лицо в кровавых подтеках, сосульками свисают мокрые волосы, а про одежду, липкую холодную и обтягивающую тело, и говорить нечего. Включаю воду и в первую очередь умываюсь. «Вот полотенце», – раздаётся над ухом голос, и я ошутимо вздрагиваю. Ния по-прежнему рядом и, похоже, не собирается уходить. Она задумчиво надавливает на синяк у меня на руке: «Больно?». Оторопело киваю, отодвигаясь подальше. Я морально готова к тому, что сейчас Ния вытащит блокнот, ручку и начнет проводить допрос с пристрастием.

– Вы не могли бы выйти? – начинаю, внимательно на нее косясь. Может, Грег слишком хорошо о ней думает, а на самом деле Ния – маньяк, да еще и предпочитающий женский пол? Грег ведь – красавчик, а она на него – ноль внимания. Тихо, Сабрина, тихо. С сумасшедшими не спорят, но и на их уловки тоже вестись не за чем. – Я стесняюсь.

Жемчужная улыбка тускнеет.

– Прости, не подумала. Все время имею дело с мертвыми или недотепами, которые от мертвых отличаются только тем, что могут лопатой помахать и лаборатории убрать. – Лицо лепечущей Нии заливает румянец, эффектно оттеняющий оливковую кожу. – Я никогда не видела живых мутантов, и мне интересно, как вы функционируете.

Мама дорогая, я подопытный кролик! Чокнутая медичка сейчас разберет меня на запчасти, чтобы посмотреть, как я «функционирую»! Затравлено озираюсь вокруг, но, кроме желания бросить в Нию зубной щеткой или шампунем, других идей нет. Спасибо, однако, за прямолинейность.

– Давайте я приму ванну, оденусь, а потом вы меня послушаете стетоскопом или молоточком по коленке постучите? – На мой взгляд, предложение вполне дельное. – Можете еще температуру померить.

До задумчивой Нии, в конце концов, доходит вся абсурдность ее идеи и, засыпая меня извинениями, она ретируется, пряча лицо в ладонях. Я остаюсь в ванной одна и на всякий случай сразу подпираю дверь корзиной для грязного белья. Защиты от нее никакой, но как препятствие – солидно. Раздеваюсь, с наслаждением снимая с себя противные мокрые вещи, и, стоя босиком на подогреваемом полу, вновь прихожу в ужас, глядя на проявившиеся на теле синяки и царапины. Шея, руки, ноги и даже попа – в фиолетовых пятнах, и я похожа на леопарда, уставшего и задолбавшегося. Включаю воду и встаю под душ.

Ванная – та самая комната, по которой лучше всего описать характер и привычки ее владельца. Опираясь на этот факт, я, вытираясь после душа, прихожу к выводу, что Ния – романтический педант. Гостевые полотенца, которые она мне выдала, были бледно-розовые. Шампунь, гель для тела и мыло – с ароматом апельсина и шоколада. На полочке над раковиной – розовые же зубная щетка и мыльница. К счастью, туалетная бумага еще пахла бумагой. Если бы и она благоухала каким-нибудь тропическим фруктом или ягодой, я бы ощутила серьезный психологический дискомфорт. С другой стороны, учитывая специфику работы Нии, она, скорее всего, запахи уже не различает.

Ее футболка мне велика на пару размеров. Еще пояс на талии – и будет платье. Шорты сползают до бедер, но так как белье требует стирки и сушки, уж лучше так, чем

голой. Смыв с себя кровь, грязь, пыль и прочие неприятности, чувствую себя заново родившейся. Вернув корзину для белья на место, открываю дверь и иду на поиски Нии, не забывая поддерживать шорты, чтобы не упали.

Ния на кухне, сыпет в чайник щепотка за щепоткой ароматные порошки из жестяных банок, выстроившихся перед ней, как солдаты на плацу. Услышав, очевидно, шлепанье босых ног, она поворачивается на звук. Я спрашиваю у нее разрешение воспользоваться стиральной машиной, если такая есть, и Ния, отложив готовку, любезно устремляется мне на помощь. При этом я не могу отделаться от впечатления, что она даже затылком постоянно на меня смотрит. Забросив мое белье внутрь квадратного устройства и залив его колпачком голубоватой жидкости, Ния нажимает по очереди три кнопки. Раздается жужжание. Девушка стоит ко мне спиной, опираясь на стиральную машинку, и я вижу, как напряжены ее плечи. На всякий случай делаю шаг назад. Ния, не поворачиваясь, бормочет: «Словно в куклы играю» и смеется. У нее печальный смех, совсем не как у Грега, и мне становится ее жаль. Она не сумасшедшая. Она просто очень одинокая.

– О, у вас гитара! – вижу в углу пыльный чехол и уже тяну было руки, но Ния меня останавливает:

– От папы осталась. Он принес ее из верхнего мира, но никогда не играл. Здесь запрещена музыка.

– Почему?

– Считается, что низкие частоты могут спровоцировать обрушение, а высокие – помешать работе сограждан. Поэтому мы не можем ни петь, ни танцевать. Запрещать всегда проще, – она снова замолкает и смотрит в стену. – Я никогда не слышала, как играют на гитаре.

– Тогда, может, хотите, расскажу вам о «мутантах»? – Не люблю быть в центре внимания, но если разговор о моем мире поможет удержать эту милейшую докторессу от слез и желания проверить, как я «функционирую», то готова даже залезть на табуретку и читать стихи.

Ния поворачивается. В ее глазах живой интерес.

– Хочу. А потом я расскажу тебе о нашем мире.

Ния заваривает нам чай, и, пока Грег на тележке перевозит из бассейна мертвецов в отведенный для них угол для вскрытия, мы сидим с ногами на диване в гостиной дома и разговариваем. Ния ликует, через предложение повторяя «у нас девичник». В комнате стоит освежитель воздуха, выстреливающий ароматной струей каждые несколько минут. Мебель, преимущественно, – деревянная, и Ния объясняет это тем, что ее отец очень увлекался мутантами и частенько поднимался на поверхность, принося со свалок поломанные вещи, чтобы затем починить. Я не решаюсь расспрашивать ее о семье, помня о словах Грега, да и это мне кажется не таким важным, как сам Город: чем он живет, как устроен, кто его населяет. Ния отвечает, но коротко и вновь задает вопросы о том, что на поверхности: можно ли там вообще жить, а если да, то как? Первый раз кто-то настолько рад моему обществу и общению со мной, что я не испытываю желания уткнуться в книжку или телефон. Я рассказываю о природе, животных, других городах, где была сама или о которых что-то как-то слышала. О смене времен года, извержении вулканов, приливах и отливах волн в море. Ния слушает, не перебивая, буквально пожирая меня глазами. Мы делаем перерыв лишь однажды, чтобы достать из стиральной машинки мое чистое и сухое белье. Ния без напоминаний уходит, позволяя мне одеться.

Когда приходит Грег, Ния просто указывает ему, где взять полотенце, и совсем не реагирует на «твоя ванная – традиционное испытание для моего обоняния». Я рассказываю о книгах, о музыке, о фильмах, увлекаюсь и передавая диалоги в лицах. Ния смеется, и я смеюсь вместе с ней. Шутки из старых комедий и новых стенд-ап шоу смешиваются и обретают вторую жизнь под потолком дома патологоанатома.

Из ванной возвращается одетый в одни спортивные штаны Грег, пахнувший как апельсиновый сад, и, сев напротив нас, не перебивая, слушает о первом человеке на Луне, создании Интернета, Википедии, социальных сетях. Рассказываю о своей семье, соседках из общежития, коте, который был у меня в детстве, фольклорной экспедиции, куда я так и не попала, мечтах о журналистике. Меня переполняет радость воспоминаний, и я чувствую себя счастливой. Не знаю, говорила ли я час, а то и два, не переставая, но в горле даже стало сухо. В доме нет часов, а под землей ход времени не узнать. Смутившись, замолкаю и смотрю по очереди на Грегга и Нию. Они переглядываются, и я отчаянно боюсь, что это из-за меня: моей навязчивости, ограниченности, эгоизма. Мне никогда не давались долгие речи, и не стоило изменять привычкам.

Опустив глаза и рассматривая свои худые ладони, слышу тихий вопрос Нии, обращенный к Грегу: «Как ты мог так долго ей врать?». В ее голосе звучит негодование, и я насторожено поднимаю голову. Грег барабанит пальцами по подлокотнику кресла и смотрит в окно, где, я знаю, нет ничего интересного. Только серые идола и светящиеся деревья-людоеды. Наконец, словно решившись, он резко говорит:

– Я же говорил тебе, Сабрина, все не так, как ты думаешь. Вся твоя жизнь создана искусственно. У тебя никогда не было родителей, не было кота, ты не ездила отдыхать на море и не училась ни в школе, ни в университете. Ты мутант, выращенный в лаборатории на втором уровне. Твои воспоминания – химия.

– Это не самая лучшая шутка, Грег, – произношу медленно, стараясь уловить выражение его бесстрастного лица.

– Он не шутит. – Ния смотрит в пол. – Ты самое драгоценное изобретение второго уровня. Наш шанс на жизнь.

Они шутят. Я не хочу им верить. Это шутка, глупая ложь. На губах улыбка недоверия, и мне хочется растормошить что Грегга, что Нию, чтобы они признались в неудачном розыгрыше. «Нет, не может быть», – я повторяю вновь и вновь, переводя взгляд с одного лица на другое, и чем больше я смотрю, тем больше вижу вину, искажившую их черты. Они не шутят. Я мутант, искусственный выродок под номером восемьсот сорок три. Разум застилает волна ненависти – к себе, к ученым, к Грегу и Нии, ко всему этому треклятому миру, который решил поспорить с природой.

«Не может быть!» – бросаюсь на Грегга с кулаками, чтобы он раскололся, расхохотался, как делает всегда, но он только перехватывает меня за запястья и, как маленького ребенка, сажает к себе на колени. Утыкаюсь ему в плечо и плачу белугой. Тело сотрясают рыдания, и не знаю, как это прекратить. Грег неловко хлопывает меня по спине.

– Нам нужно тебе многое рассказать, чтобы ты поняла, – начинает Ния. Уткнувшись в плечо Грегга, пахнувшего апельсином и шоколадом, я слушаю ее, продолжая плакать. – Согласно легенде, наш город был основан одним из первых, еще в Средние века. Выдающиеся люди своего времени, скрываясь от преследований и пытаясь отыскать Философский камень, спускались в подземелье. Сначала были десятки, потом сотни, потом тысячи. В Европе одна эпидемия шла за другой, поэтому вскоре всех этих людей посчитали умершими, в то время как они продолжали жить и работать в свое удовольствие. Долгое время наземный и подземный города существовали параллельно во имя общего блага. Подземный город был источником знаний, а наземный – материальных благ. Меняя мудрость на товар, а товар – на мудрость, жили поколения. Так продолжалось до тех пор, пока в пятнадцатом веке не был выведен агрессивный штамм вируса, поразивший наземное население во всем мире. Он передавался воздушно-капельным путем, и вскоре все были заражены. Источник его появления так и не был установлен.

– Медицина была бессильна, – продолжает Грег. – Долгое время единственным способом спасения было *cito, longe, tarde* – беги из зараженных земель как можно дальше и

как можно дольше там находишься. Боясь за себя, подземные города прервали все контакты с наземным миром и перешли на натуральное хозяйство. Когда, спустя десять лет, двери вновь были открыты, то жители подземелья пришли в ужас: население наземных городов сократилось в разы, а те, кто остались, из-за вируса оказались бесплодны или слабоумны. Мир был обречен на вымирание. Чтобы не допустить этого, все подземные города переориентировали производство и во главу угла поставили медицину.

– Не помогло? – безучастно интересуюсь, хлюпая носом. Монотонные поглаживания по спине согревают и расслабляют. Я все еще злюсь, но уже готова прислушаться.

– Помогло лишь отчасти. – Ния делает глоток чая, и я слышу, как она возвращает чашку обратно на столик. – Стало хуже. Распространившийся по поверхности вирус проник и в подземелье. Вероятно через трупы, которые врачи вскрывали, чтобы выяснить причину смерти. Девятый уровень специально был выделен под исследования, и почти все, кто жил там, так или иначе, но заболели. Постепенно вирус попадал и на другие уровни, выше. Ученые уже придумали способ лечения, и летальный исход был в одном случае из тысячи, но оставались последствия – бесплодие, слабоумие, ослабление иммунитета. С каждым десятилетием нас становилось все меньше. Наш город прерывал контакты с другими, когда оттуда стали приходить те же тревожные вести.

– Так мы стали рыбками в консервной банке. Время идет, и мы тухнем потихоньку, с самой головы. На поверхности бывает лишь элита первого уровня, вроде Киппа, и благодаря им мы узнаем новости. Большая часть наземного населения – безвольные тупицы или, как мы их называем, – «недотепы». Они способны выполнять ряд команд, которые мы им даем, но у них нет даже минимального инстинкта самосохранения. Недотепы работают на полях, заботятся об окружающей среде, выполняют различную механическую однообразную работу. Но есть и другая группа – их немного, и они тоже, как мы, обеспокоены продолжением рода. Кипп называет их «умники». Вирус не затронул их мыслительные процессы, но сказался на организме: «умники» не могут без лекарств, которые мы им поставляем. Как и мы, они живут общинным строем: все общее – от провизии до дома.

– Женщин они вообще ни во что не ставят! – подает возмущенный голос Ния. – Сначала используют для продолжения рода, а потом превращают в кухарок и посудомоек, хотя с этим прекрасно справились бы и недотепы.

– А потом у нас весь наземный город сгорит, потому что недотепа решит сделать шашлык дома? И останемся мы без продуктов, бытовой химии и одежды, деградируем в пещерного человека. Отличная мысль, Ния, вынеси на обсуждение в Президиуме, Кипп тут же подхватит.

– Ты прекрасно используешь свою недотепу Миранду, и она вроде как отлично справляется с обязанностями. – Возмущенная Ния ставит чашку на стол с таким звоном, что я удивлюсь, если ничего не треснуло. Патологоанатом–феминистка, вот ведь угораздило. А вообще–то я с ней согласна.

– Да, Миранда толковая, но я пару недель потратил на ее алгоритм, поэтому это скорее моя заслуга. Ты–то своих помощников дальше морга не выпускаешь. Боишься, купаться полезут и захлебнутся? – ерничает Грег. У этой парочки много противоречий, ой как много. Единственный плюс – теперь меня не мучает совесть о том, что мы подставили Миранду. Она не человек. В груди разливается холод, вымораживая меня изнутри. Хорошо, я монстр. Мутант, как они это называют. Но я могу мыслить, могу чувствовать, понимать и руководствоваться своим собственным разумом. Я удачный эксперимент, могу собой гордиться и сиять всеми лампочками. Грег смог вырастить человека, честь ему и хвала. С воспоминаниями разберемся.

Сажусь поудобнее и, успокоившись и утерев слезы, спокойно проше:

– Не спорьте, лучше рассказывайте дальше.

И они рассказывают, поддевая друг друга и постоянно переругиваясь.

И чем больше они рассказывают, тем больше я хочу бежать из этого дома. Лучше бы мы не приходили к Нии: я жила бы в своем родном иллюзорном тумане, верила бы во всемогущего Марка Цукерберга и пятничные распродажи в книжном, пусть бы даже и жила в палате под постоянным присмотром Грега и Миранды, строя безумные предположения об их отношениях. Но, нет, теперь я знаю, что все не то, чем казалось раньше. Все намного, намного хуже.

7. Заговор

Ния, с которой к концу дня и после отключения маячка на моей правой руке мы перешли «на ты», постелила мне в своей комнате, а сама с Грегом разместилась в гостиной. Наверное, уже глубокая ночь, но мне не спится. Я смотрю на сверкающие на потолке звезды над кроватью, на мягкие плюшевые игрушки на полке рядом и вдыхаю запах лаванды, которым пропитано все постельное белье. Слезы застыли где-то в горле, и мне нет до них дела. То, что рассказали Грег и Ния, на первый взгляд казалось невероятным, но, подумав хорошенько, я начала понимать то, на что раньше не обращала внимания или попросту пропускала мимо ушей, посчитав за шутку.

Все не то, чем кажется. Мы видим то, что создает для нас наш мозг, опираясь на визуальное, слуховое, кинестетическое и прочее восприятие. Это возможно воссоздать искусственно. Точно также можно создать память, привычки, образ жизни. Настолько тонко, что не заметишь подвох. Я персонаж компьютерной игры, которой никогда не существовало. От «а» до «я» придумана группой ученых-генетиков. Теперь я знаю, кто я, и пусть не могу до конца это принять, но уже не отрицаю, потому что на проверочные вопросы, которые задает Грег, не знаю ответа. Где мой дом? Где был тот железнодорожный вокзал, откуда я якобы приехала? Почему была одна – не проще было бы поменять билеты и ехать со всеми? А как звали моих однокурсников? Как назывался конкурс, который я выиграла? Я не знаю.

Если же верить в то, что меня привезли туда из лабораторий Города, чтобы провести последний тест, то все становится ясным и понятным. Осознание своей сущности не решает главную проблему – избавление от Чистильщиков. Пусть они являются последним пунктом контроля, но я не хочу, чтобы даже недотепы погибали. Да и во всей этой истории есть много темных пятен, которые, возможно, не связаны между собой, но могут быть и звеньями одной цепи. Я несовершенный образец, но нахожусь вне системы, а теперь еще и не видна радарам. Этим нужно пользоваться. Я закрываю глаза и восстанавливаю в памяти все, что рассказали Грег и Ния.

После распространения вируса город закрыл свои двери для чужаков. Исключение – «умники» с поверхности, которые в обмен на лекарства предоставляют продукты питания и бытовую химию. Чтобы Город не загнулся в анархии и разгильдяйстве, деятельность каждого жителя направлена на решение определенной задачи, и – более того – профессия является наследственной. Отец Нии был патологоанатомом, отец Грега – генетиком. Обе же матери были из существующего Отдела продолжения рода: суррогатное рождение – популярный способ сохранения семьи и укрепления генофонда. «Сейчас, когда нас едва ли наберется пятьсот человек на весь город, – пояснила Ния, – мы живем одной семьей. Так проще помогать друг другу, разделяя обязанности». Поэтому в Городе нет школ и детских садов. С младых ногтей ребенок приучается к делу своих отцов и матерей. Союзы между представителями разных уровней возможны, но в таком случае профессия ребенка выбирается на слушании в Президиуме. В случае же, например, Нии – единственного представителя профессии, супруг должен быть для нее назначен, исходя из интеллектуальных и физических его показателей.

На первом этаже, который располагается ближе всего к поверхности, работают посредники между миром людей и миром мутантов: Отдел Порядка, Отдел Проверки и Президиум. Корбл Кипп, с которым мне так «повезло» познакомиться, – глава Отдела Проверки, местный лидер и любимчик консерваторов. Ему, среди прочих, подчиняется Управление Очистки, где холят и лелеют серию «УЧ»: Универсальных Чистильщиков. Также под руководством Киппа и «группа зачистки» – те качки с квадратными челюстями, приехавшие проверить работу УЧ и привезти для изучения в Управление меня, последнюю зеленую точку на карте. Пока под кожей у меня был включен маячок, мое местонахождение было легко отследить, и, так или иначе, но я бы все равно попала в его лапы. По словам Грега, Кипп пользуется в Городе дурной славой за наплевательское отношение к правилам, соблюдение которых от других требует неукоснительно, жаждет прийти к власти и прикрыть проект поддержки мутантов.

Отдел Порядка занимается как делами Подземного города, так и решает вопросы, связанные с контактами мутантов – как недотеп, так и умников, – и людей. По сравнению с Отделом Проверки, они берут на себя больше бумажной работы, чем «полевой», хотя и среди них есть «группа быстрого реагирования». В Отделе Порядка можно заказать себе недотепу, если привести веские доводы, зачем он нужен. Запрос отправляется на поверхность, и умники подбирают подходящего мутанта, которого можно выучить для определенной работы.

Президиум же – это целый квартал, который занимает бюрократический аппарат. Там выносятся на рассмотрение законы об управлении Городом, происходят торжества и затеваются самые грязные интриги. Оказаться внутри Президиума – большая честь. Но увидеть Главу Города могут лишь единицы. Большинство же приглашенных не имеет права подняться даже на верхнюю ступень, а оттуда до покоев Главы – еще анфилады комнат. Четыре раза в год он покидает Президиум, но каждый раз – в закрытом паланкине, который несут четверо сильнейших. Грег тогда с усмешкой добавил к рассказу: «Есть предположение, что весь род Главы страдает от сухости воздуха, поэтому в покоях у него ванная или бассейн, а вылезает он оттуда не потому, что по нас скучает, а чтобы мы не забыли, что он есть».

Второй уровень – это лаборатории. Весь уровень отдан на откуп ученым, чтобы те дено и ночью трудились над лекарствами для жителей города, обогащали продукты питания всей полезной таблицей Менделеева и бились над загадкой восстановления «традиционного представителя расы», как это называет Грег. Каждая лаборатория принадлежит определенной группе ученых, и среди них тоже есть социальная иерархия.

Ученые–врачи занимают низшую ступень, – Город автономен, поэтому посторонних заражений быть не может, а с болезнями, возникающими из-за чрезмерно сухого воздуха, недостатка витаминов и солнечного света, с переменным успехом боролись уже века.

На средней ступени – ученые–товароведы, регулярно радующие внутренний рынок Города новыми вариациями на тему привычных продуктов. Яблоки со вкусом мёда, богатые магнием. Вишни размером с грецкий орех со съедобной косточкой, – укрепляют зубы и десны. Мясной паштет, в создании которого не пострадало ничего живого. И прочее, прочее, прочее. Ния, например, – вегетарианка, и все овощные изыски вроде спаржи со вкусом отбивной ей очень нравятся. Чай, которым она нас угощала, тоже был модифицирован. Одна чашка по калорийности заменяла ужин. Не знаю, как это возможно, но есть на самом деле не хотелось.

На высшей ступени (Грег чуть не лопался от гордости, рассказывая) – ученые–генетики, ученые–теоретики и ученые–патологоанатомы. И те, и другие, и третьи занимаются поиском «кода человека».

Генетики трудятся в лабораториях, также получая данные от теоретиков и Отдела Проверки. Они задают первую фазу эксперимента: среди малышей, которые поступают к

ним из расположенной на поверхности «родильной базы», отбирают наиболее сильных и проводят над ними опыты. После этого генетики не имеют права контактировать с исследуемым объектом, пока он вновь не пересечет порог лаборатории, если пересечет. До меня таких случаев не было, и Грег, как генетик, теперь может претендовать на приглашение постоять на лестнице в Президиуме.

Теоретики же занимаются сбором информации о прохождении эксперимента и отсеивают тех, кто не сдает специально созданные тесты. Когда исследуемые объекты набирают определенное количество баллов, их отправляют на «полигон» – картонные поселки или старые полуразрушенные города. Там они подвергаются проверке: Кипп запускает Чистильщика. Эти создания – роботы, но обладают минимальным интеллектом, достаточным для определения опасности и функционирования до окончания эксперимента. Все происходящее на полигоне транслируется в Отдел Проверки. В голосе Чистильщика, который он «включает» во время проверки, – частоты, неслышимые уху человека, но искусственные неполноценные создания со слабой силой воли получают сигнал немедленного самоуничтожения. Чем создание более развито, тем дольше оно может продержаться. У каждого под кожей – маячок, облегчающий процесс слежения. На полигон также привозят неудавшиеся эксперименты, годные только для одной–двух функций. Умники, в свою очередь, направляют туда отсталых недотеп, которые тоже разрушаются под действием голоса Чистильщика. Когда полигон пустеет, и на картах в Отделе Проверки больше нет зеленых точек, для уборки улиц отправляют «группу зачистки». Они сортируют трупы по времени смерти. Слабых созданий они сразу увозят на десятый уровень, засеянный плотоядными растениями, при переваривании выделяющими сок, позднее используемый учеными–врачами. Тех, кто продержался дольше, через мусоросброс отправляют в лабораторию к патологоанатомам.

Патологоанатомы в Городе – это «каста неприкасаемых». Но сейчас вся работа – на плечах Нии и пары заказанных ею с поверхности недотеп. Приходить на девятый уровень законом не запрещено, но еще со времен вируса об этом месте создано столько легенд и страшных историй, что навещает Нию только Грег, которому нравится людей эпатировать. Ния же может подниматься на любой уровень – для нее есть на этаже отдельный лифт.

Ниже – с третьего по пятый уровень – жилые дома, также разделенные по статусу и профессии человека. Третий уровень – дома элиты, четвертый занимают ученые, пятый – остальные работники: садовники, строители, торговцы, парикмахеры, портные. На шестом уровне расположены частные магазины и дома услуг. На седьмом – мастерские. Восьмой занимают больницы: иногда там лечатся даже умники, если элита сочтет это целесообразным. Иными словами, когда у умников есть что–то, что элите очень нужно.

Так как каждая профессия передается по наследству, в Городе нет школ и детских садов. Иметь ребенка – большая честь и радость. Большинство жителей Города – бесплодны. Об этом после ряда процедур им говорят ученые–врачи. Люди вымирают как под землей, так и на поверхности. Генетики создавали жизнеспособных созданий, но те прежде ни разу не выдерживали проверки.

Я – первый удавшийся эксперимент. Тонкость в том, что никто не знает, в чем секрет. Грег предлагает изучать мой генетический код, сохраняя меня в живых. Тогда Чистильщики не потребуются, достаточно будет создания существа, у которого будут те же показатели. Кипп же настаивает на том, что такой процесс будет долгим, а для ускорения исследования меня надо препарировать и изучить изнутри. Понятно, что он не хочет терять власть и уступать генетикам пальму первенства. Чистильщики – его оружие, способ давления и утверждения своей силы. Глава Города послушается Киппа, не Грега, это ясно.

И сейчас там, наверху, на всех восьми уровнях объявлен красный уровень тревоги. Это означает, что мы с Грегом теперь вне закона. Нас можно убить. Прячась у Нии, мы

продлим свою жизнь на неделю или полторы, месяц–два, но, сколько бы ни было, тут невозможно скрываться вечно. Я слышу, что за стенкой Ния и Грег обсуждают способы побега. Нам нужно подняться наверх, на поверхность, чтобы один за другим отключить Чистильщиков. Я смогу это сделать, надо только найти ту карту. Без Чистильщиков Кипп примет нашу сторону, и Грег сможет клепать живых мутантов одного за другим, улучшая код, а не создавая его каждый раз с нуля. Может быть, я тоже смогу принять в этом участие. Мне бы это польстило.

Подхожу к двери в соседнюю комнату и смотрю в щель: Ния и Грег, как обычно переругиваясь, изучают схему уровней. Мы можем подняться на поверхность на лифте Нии с девятого уровня, но, не зная, где сейчас орудуют Чистильщики, это бесполезно. Карта с расположением полигонов висит в кабинете Корбла Киппа, и, значит, нам нужно туда. Понятно, что в таком случае вновь воспользоваться лифтом Нии возможности не будет. С первого уровня на поверхность всего два выхода, и самый оптимальный – через лифт в Отделе Проверки. Другой – в Президиуме, но попасть туда – утопия. Если нам даже повезет пройти мимо охраны на первом уровне, то пробраться незамеченными в Президиум невозможно. Об этом Грегу твердит и Ния, не скупясь на выражения.

– Мы можем вооружиться, – бодро предлагает Грег, и мы обе смотрим на него, как на умалишенного. – В мастерских можно раздобыть холодное оружие, да и наверняка, покопавшись, можно вырубить все электричество, чтобы нас нигде не могли запереть.

Прохожу внутрь комнаты и сажусь на пол. Ния и Грег оборачиваются и кивают мне, не прекращая спор.

– Человека можно убить десятками способов, и твое холодное оружие – ничто по сравнению с хорошим огнестрельным. – Ния, не глядя, достает из кобуры свой пистолет и кладет на стол. Мама дорогая, она с ним вообще нигде не расстается? Вот же нервы ни к черту должны быть.

– Отлично, тебя мы пустим вперед, будешь стрелять направо и налево, расчищая дорогу. Пока это кажется хорошей идеей, хотя я против убийства наших сородичей. – Грег задумчиво почесывает гребень на лбу.

– Согласно моим отчетам и отчетам врачей, в половине наших сородичей течет зараженная кровь. Мы их спасем, – холодно замечает Ния, убирая пистолет обратно. Они с Грегом сейчас похожи на две части сущего: одна стремится к миру, другая – к войне. С другой стороны, чему я удивляюсь: он привык иметь дело с зарождением организма, она – со смертью.

Вдруг мне приходит в голову мысль. Настолько простая, что странно, почему ни Грег, ни Ния до сих пор до нее не додумались. Я поднимаюсь на ноги и подхожу ближе к разложенной на столе карте.

– Нам не нужно никого убивать.

– Тогда что ты предлагаешь делать? – спрашивает Ния изумленно. Не привыкнет никак, что искусственно выращенный организм сам что–то соображает. И это я ей еще не читала стихи собственного сочинения. Сто рифм к слову «холодец». Впрочем, о чем это я? Я же лабораторный подкидыш без прошлого.

Еще раз взвешиваю все за и против, но, похоже, другого выхода у нас нет.

– Ния, ты сдашь нас с Грегом Корблу Киппу.

8. Прощение и прощание

Мы обсудили предложенный мной план и пришли к выводу, что он оптимален. Корбл Кипп порадует, что мы у него в руках, расслабит, а мы его скрутим, похитим карту и удерем на лифте. Оставалось уладить детали. Например, сохранение девятого уровня. Если нам удастся выйти на поверхность, то вряд ли мы сможем вернуться в Город,

не уничтожив каждого Чистильщика – одного за другим, все двадцать два. Это займет время. Поэтому Ния потребовала не трогать ее пару часов и ушла давать ценные указания своим двум подопечным недотепам, жившим в комнатах при морге. Мы с Грегом остались вдвоем.

Потемки чужой души для меня всегда были тайной за семью печатями. Но теперь, когда я знала, что вся моя сущность создана искусственно, принимать решения стало проще. Я всегда могла свалить это на заложенные импульсы, скрытые резервы, сбои в программе. Вот и сейчас, пока мы сидим в гостиной и пьем чрезвычайно полезный сок из плодов дерева гинкго и манго, смешанный с химией, а потому решавший проблему завтрака и обеда, я вижу, что Грег сам не свой и задаю прямой вопрос. Раньше бы полчаса намеков и осторожных плясок с бубном. Пожалуйста, мне даже нравится такая моя самоуверенность.

– Я не волнуюсь, с чего ты взяла? – Врет и не краснеет.

– Ты не в восторге от плана?

– Я не в восторге от самого себя. – Как обычно, мою же фразу он использует второй раз. То ли издевается, то ли, наоборот, демонстрирует доверие. Понимай, как хочешь. Грег, насупившись, вертит между пальцев серебряную чайную ложку. Внезапно она пикирует на стол, оглашая комнату громким бряцанием.

– Все еще будешь спорить, что не волнуешься?

– У моего волнения есть причина, и я не думаю, что тебе нужно ее знать.

– Новые достижения в моей биографии? – спрашиваю уже скептически, потому что не могу поверить в то, что после предыдущих открытий осталось хоть что-то, способное меня удивить. А то и обескуражить, если опираться на мрачный вид Грега. – Выкладывай, я переживу. Лучше сейчас, чем когда мы будем деактивировать Чистильщиков.

– В этом-то и дело, Сабрина. Я не знаю, как тебе удалось уничтожить УЧ–23! – Грег посмотрел на меня с отчаянием. – Что если это получилось у тебя благодаря воле случая? Признаться честно, я ставил на мальчонку, который там был с тобой, – на Стива. Помнишь такого?

– Помню, – шепчу вмиг замерзшими губами. Забыть Стива и то, как он покончил с собой, этот милый глупый мальчик, было невозможно. Но почему Грег знал о нем? Знал его имя? – Он тоже был твоим экспериментом?

Грег кивает.

– Да, с самого детства. Вернее, он тогда был малышом, и отец, критически Стива оценив, посчитал, что я могу попробовать свои силы. Отец работал над твоим обучением, а я – над Стивом, моим первым проектом. «Интеллектуальный хиляк» – мы его между собой так называли, да и такую же запустили программу. Все детство он жил в лаборатории, и я видел его каждый день. Сам был подростком, и учил его читать, говорить, ходить. Рассказал о достижениях Города, и один раз даже вывел в коридор, пока никто из охраны не видел. К нам тогда была приставлена охрана, да. Когда Стив сдал первый тест, его забрали ученые-теоретики, и в следующий раз я увидел его спустя десять лет на мониторе, транслировавшем проверку. Я был уверен, что он выживет...

Грег отворачивается и подходит к окну. Мне не нужно видеть его лицо, чтобы понять, что он плачет. Кем был для него Стив? Домашним любимцем? Первым экспериментом, который всегда в сердце, потому что первый? Не знаю. Мне кажется, он был другом, которого больше нет. Или даже больше – живым прообразом человека, которым Грегу не стать. Это как в компьютерных играх, когда создаешь идеального персонажа, думая подспудно о себе.

Вайс-старший, похоже, вложил в меня философию геймера и любителя фантастических фильмов. Клевый был мужик, с юмором.

Подхожу к Грегу и касаюсь его руки. Жест поддержки, которую можно принять или оттолкнуть. Грег принимает, переплетая наши пальцы, все так же смотря в окно.

– Отец занимался твоим обучением сам. Я не знаю, какая была программа. Один раз он в шутку сказал, что это «троянский конь», но я до сих пор не понимаю, что он имел в виду. Когда отца арестовали, я заменил его имя своим на всех действующих экспериментах, чтобы они не были остановлены. Он давно настаивал на этом. Поэтому твоя победа – это, на самом деле, не моя заслуга. Только ты не говори никому, даже Нии. – Грег отворачивается от окна и тихо произносит, глядя мне в глаза. – Я понятия не имею, как повторить твой код.

Ба–бах. Тут должна быть леденящая душу музыка. Хичкоковский саспенс. Ведь только что на нас, ухмыляясь во всю свою бездонную глотку, выплыл тот темный секрет, который одному хранить слишком тяжело, а вдвоем – слишком палевно. Красная кнопка нажата, отступать некуда. Не представляю, как Грег с этим жил все это время, особенно после гибели Стива. Прислоняюсь лбом к его плечу. Я тоже не знаю, как мне удалось противостоять чарующему голосу Чистильщика. Он просто не действовал на меня, как болтовня соседок по комнате, сплетничавших о парнях. Хотя, опять же, откуда взялась эта память? Ее не должно быть. Да и прежде – я столько много рассказала Нии, неужели все это – созданная отцом Грега иллюзия в моем мозгу? Я верю, что он был шутник и сын – весь в него, но сочинить развитие целой планеты, постоянно проживая под землей, – это гениальность, отлитая в золоте. Это неповторимо. Но мы все равно справимся. Я же уникальный монстр, прежде невиданный, а потому неизвестный никому, как диковинная зверушка. Надо этим пользоваться, а то пропадет впустую.

– Если Чистильщиков не получится уничтожить, то знать мой код тебе не потребуется, – криво улыбаюсь. – А если же все удастся, то Президиум наверняка поспособствует твоим исследованиям. Я неплохой такой образец для подражания, только характер ни к черту. В следующий раз сообрази какой–нибудь более мирный, чтобы сидела и тихо книжки читала.

– Странное дело: в записях отца я видел требование, чтобы ты не контактировала с другими экспериментальными образцами. Я потому и не стал поощрять твои вылазки в город, когда началась программа. Но ты справилась, и никаких сбоев не было.

Я изумленно поднимаю на Грега глаза. Не припомню, чтобы видела его раньше. Конечно, он мог быть в коже, но все, кто там был, кроме вооруженных качков, – ныне трупы у Нии в морге. Да и не контактировал со мной никто. Грег весело щелкает меня по носу, снова возвращаясь к образу беспечного шутника. Но теперь–то я знаю, что смех – это только его маска.

– Приятно познакомиться, я профессор Фрост, доктор наук и просто хороший человек. – Грег гордо ухмыляется, а я, раскрыв рот, хлопаю ресницам, чувствуя, как еще один элемент паззла встал на место. – Теоретики не разрешают генетикам следить за экспериментом, но для поддержания работы УЧ нам нужен вай–фай. Оставалось только подбросить теоретикам липовые бумаги о том, что для твоего оптимального функционирования у тебя должен быть с собой телефон или ноутбук, куда должна быть закачана музыка поживее. Написал целый опус о том, что требуется проверить функционирование УЧ в сочетании с другими частотами и отправил Миранду договариваться.

– И ты думал, твое сообщение заставит меня сидеть дома и слушать музыку?

– По бумагам отца, это должно было сработать, и я не понимаю, что заставило тебя выйти наружу.

– Шоколад и любопытство. И еще желание стать журналистом и написать классный очерк о том, как я жила неделю одна в далекой глуши.

– Странно... – Грег замолкает, напряженно о чем–то раздумывая. – Я передал теоретикам твое досье, и они должны были сделать твои воспоминания и желания такими

же, как хотел отец. Скорее всего, он выставил для тебя шкалу мотивации и снизил порог страха, но это нужно проверить.

– То есть, заставляя меня сидеть в якобы доме твоей бабули, ты так меня спасал? – подбираю слова, голос дрожит. – Я могла бы остаться в четырех стенах и быть в безопасности?

– Нет, УЧ не остановился бы, пока не нашел всех живых в городе. Программа такая, тем более Кипп им руководил. Они ориентированы на уничтожение, и если засада не дает результата, то могут переходить к активным действиям. Я просто следовал инструкциям отца.

– Но как вышло, что Чистильщик и Стив оказались вместе в одном здании? И почему так долго, между ними же была минимальная дистанция?

– Не знаю. У меня есть версия, и она мне не нравится. Поэтому сначала надо спросить теоретиков. Я ожидал увидеть Стива в библиотеке или исследовательском центре, если бы такой был. Может, они решили, что Стив – аутист и сможет проявить себя именно в отрицании контактов с УЧ. Не знаю.

– Он долго продержался. Молодец. – В горле снова ком, и я чувствую подступившие слезы. Значит, мы были одинаковые, созданные одновременно, но двумя разными учеными. Грег корит себя, потому что ошибся в какой-то малости, погубившей Стива. Было бы проще, если бы мы оба погибли или оба выжили.

– Помоги мне проводить его, – тихо просит Грег и, понимая мое замешательство, поясняет, – в последний путь. Ния сейчас будет совершать ритуал.

Мы подходим к тем серым статуям, перед которыми сейчас Ния на каменном столике раскладывает засушенные цветы, шепча что-то себе под нос и не замечая нас. Она одета в черное платье с капюшоном, но на талии у нее по-прежнему кобура. Серые идолы смотрят перед собой, позволяя восхвалять себя. Среди цветов, которые Ния достает из корзинок у столика, – хризантемы, розмарин и лилии. Их сухие увядшие лепестки, кружась, осыпаются на пол и на стол. Наконец, корзинка пустеет, и Ния зажигает длинную белую свечу, а затем касается пламенем цветов. Они начинают тлеть, разнося аромат сухих мертвых растений, пепла и огня. Ния поднимает вверх руки, словно в молитвенном жесте, и шепчет, повторяя одно и то же: «Простите их. Простите нас». Грег закрывает глаза, и я впервые вижу, как по его щекам текут слезы. Впрочем, вскоре я понимаю, что и сама плачу, ощущая свою вину перед теми, кого не смогла спасти.

Оставив Нию продолжать ритуал, мы с Грегом молча идем в сторону морга. Внезапно рядом замечаем шевеление: взвалив одно обнаженное тело на телегу, к пологому спуску на десятый этаж движется один из недотеп. Я впервые вижу их и силюсь рассмотреть. Снаружи ни за что не скажешь, что он из мутантов, оставшихся на поверхности. Хотя, как и Ния, он одет во все черное, а половину лица закрывает маска. Грег машет ему рукой и просит остановиться. Недотепа подчиняется приказу, замерев так, чтобы тележка не катилась без его на то желания.

– Привет, – Грег подходит ближе, – где тела с предпоследнего испытания?

Недотепа машет рукой в сторону, но Грег просит его проводить нас, и, оставив тележку, тот проходит пару шагов и указывает нам на тропинку между высокими камнями. Грег кивает «спасибо, дальше сами», и недотепа продолжает свой путь.

Барак под номером восемь отперт. Внутри копошится другой недотепа, передвигая по одному трупы ближе к двери, сортируя их по указанной на бирках на больших пальцах ног очередности. Он точь-в-точь как его собрат с тележкой. От вида барака и тел мне становится страшно и тоскливо, хотя я и начинаю привыкать к местной специфике. Даже запах кажется не таким сильным. Может быть, потому что тут тоже пахнет розами. Но холодно так, что мерзли бы и пингвины.

– Парень, который продержался дольше всех, где он?

Недотепа задумывается, а затем жестом велит следовать за ним и подводит нас к самому дальнему углу барака. Я зажмуриваюсь, неготовая увидеть вновь Стива, тем более в морге, но слышу, как Грег удивляется: «Это не он», и открываю глаза. Перед нами не Стив. Вернее, он мог быть Стивом, да вот только не нашим. У этого парня переломаны руки и ноги. Да и выглядит совсем иначе.

– Эй, мне нужен парень с испытания №872, – Грег говорит медленно, почти по слогам, – который продержался дольше всех.

– Это он, – коротко отвечает недотепа, не понимая наше недовольство. Привел нас к нужному труп, а мы придираемся и требуем жалобную книгу. Да уж, не позавидуешь бедному мутанту, у которого и так крыша еле-еле варит, а тут на него еще надвигается разозленный высокий человек с гребнем. Я бы испугалась наверняка.

Грег, суется, осматривает все тела в дальнем углу барака, специально отложенные для дальнейшего изучения. Как загнанный в ловушку зверь, он вновь и вновь проверяет номера, бросаясь от одного тела к другому. Недотепа непонимающе смотрит на него, не пытаясь убедить, что привел правильно. Я не присоединяюсь к поискам, мне и так нехорошо. Выхожу на улицу и, облокотившись о перила, смотрю на растущие на десятом уровне деревья. Некоторые из них сейчас кого-то снова пожирают. Если бы я совершила в подземном Городе убийство, то просто сбросила бы вниз труп – и все. Там не будут искать.

Спустя долю секунды я с оторопью понимаю, что права. Мы не найдем труп Стива в морге, потому что его там нет. Если Кипп не получил мое брэнное тело для вскрытия, то логичнее всего потребовать того, кто занял второе место. Он отдал или отдаст приказание другим ученым, которых тут, я думаю, полно. Когда Стив перестанет быть нужным, от него избавятся. Скинут вниз, минуя морг, чтобы не привлекать внимания Нии. Мы напрасно ищем. Зову Грега и объясняю ему свою мысль. Он уже дважды обежал весь морг, и, подумав, признает, что в моих словах есть смысл. Сжимая кулаки, он клянет Корбла Киппа. Я оставляю его у морга и иду к Нии. Грегу сейчас лучше побыть в одиночестве.

Ния уже закончила ритуал. Я прохожу мимо останков сухих цветов, и мне кажется, что каменные идолы улыбаются. Это все невероятно. Подземный Город функционирует с учетом всех современных технологий, но при этом где-то на низших уровнях процветает язычество. Наверное, Ние так проще: иметь возможность сбросить с себя тяжесть чужих смертей. Я не думаю, что она стала бы патологоанатомом Города, если бы могла выбирать.

В доме горит свет. Я захожу в ванную и умываюсь, пытаюсь забыть белые мягкие тела в бараке. Мне кажется, они смотрят на меня из зеркал, из всех окон, караулят за порогом, а стоит обернуться – и на плечо ляжет холодная рука. Когда я слышу, что кто-то зовет меня, то вздрагиваю, но это всего лишь Ния. Услышала, как я протопала по паркету, и заволновалась, все ли со мной в порядке. Она уже переделалась в свой синий комбинезон, и сейчас, проверяя запас патронов и набивая карманы обоймой, по рации отдает заключительные команды своим недотепам. Снаружи у дома нас ждет Грег. Время пришло.

9. Маскарад

Ния снимает защиту с лифта, поставленную после нашей радостной встречи у бассейна. Ровно гудит механизм, и, когда отъезжают двери, то мы почти одновременно выдыхаем – засады нет. Нам позволяют уйти, или, возможно, интеллектуальная элита по-прежнему ломает голову, утонули мы в мусоросборнике или нет.

– Тут камера, – тихо командует Ния. – Будет лучше, если они не подумают, что мы в сговоре.

Она держит нас на мушке, переводя прицел то на Грега, то на меня, все долгое время, пока лифт ползет вверх. На ее красивом лице выступили капли пота, да и у меня тоже дрожат руки и ноги. Один Грег выглядит невозмутимым. Наконец, лифт прибывает на

первый уровень, и Ния подзывает охранников, чтобы те вывели нас наружу. От нее оба мужчины шарахаются, как от чумной, зато больно тычут дубинками нас с Грегом в спины.

Ния направляется по туннелю к Отделу Проверки, мы – за ней. Справа и слева на нас пялятся богатенькие представители элиты. Думают, что мы главное зло. Наивные. Или, наоборот, слишком хорошо представляющие, кто мы такие? Двери распахнуты, и нас на пороге встречает Корбл Кипп, скалясь как гиена. Он снова в обличье мутанта и напоминает те белые мягкие тела в морге. Это подло – отправить на верную смерть сотни, чтобы потом ходить в костюмчике, сделанном пусть из искусственной, но кожи, ассоциирующей все с теми же жертвами, путь которых теперь – в пищеварительный тракт плотоядных деревьев.

– Добро пожаловать, – Корбл Кипп кивает охране у Отдела, и те тоже приближаются к нам. – Отведите доктора Вайса и доктора Каллас в мои апартаменты.

Два охранника резво подбегают к Грегу и, подталкивая в спину оружием, ведут ко входу в главное здание. Два других косятся на Нию, но близко не подходят. Ния окидывает их взглядом, полным презрения, и идет в главное здание сама. Охранники следуют за ней, и я слышу, как один из них шепчет «ведьма». Кипп берет меня за правую руку повыше локтя и тащит следом. Его пальцы больно впиваются в кожу, и я уверена, что потом останутся синяки.

Мы проходим мимо десятка дверей. В коридоре иногда попадаются одетые в кожу представители элиты, но, завидев нас, тут же прячутся в своих кабинетах. Я поворачиваю голову направо и налево, но не вижу, как вернуться к лифту иной дорогой. Впереди – тупик, бежать некуда. Кипп велит охранникам остановиться у неприметной двери в конце коридора.

– Доктор Вайс, доктор Каллас, проходите, пожалуйста. – Кипп нажимает на кнопку на стене, и двери отъезжают в сторону. В комнате темно. Помешкав, Грег делает шаг вперед, но свет не загорается. – Все в порядке, заходите внутрь.

Мне слышится в голосе Киппа злорадство и какой-то второй, очень неприятный, смысл. Грег, не говоря ни слова, заходит, бросив напоследок на меня короткий взгляд. Следом за ним идет Ния. Сопротивляться бесполезно – рядом четыре вооруженных охранника, и с малого расстояния они точно не промахнутся. Дверь с глухим щелчком закрывается. Кипп жестом велит охранникам возвращаться, и они послушно разворачиваются и идут на выход. Кипп нажимает на другую кнопку на стене, и отодвигается еще одна дверь. Он заталкивает меня внутрь.

Комната просторная, но явно нежилая. Кабинет, похоже. Одна стена темная, как ночь, на других висят какие-то графики и схемы. Того, на котором отмечены действующие Чистильщики, тут нет, и я с трудом подавляю разочарованный стон. Столько прошли, и все – напрасно. Кипп заходит следом за мной, дверь возвращается на место, и на секунду я вижу, как по ней пробегает фиолетовая рябь. Не подходи – убьет, никаких сомнений. По спине пробегают мурашки.

– Теперь можем и поговорить. – Кипп подходит к консоли с кнопками, прикрепленной у черной части стены. Нажимает кнопку, и темнота проясняется. Это одностороннее зеркало, как в моей палате. Только теперь я – на месте Грега. А он и Ния – под наблюдением. Я подхожу ближе, чувствуя, что колени подкашиваются, а сердце стучит где-то в горле. Грег и Ния стоят в центре почти пустой комнаты, в углах которой сидят Чистильщики. Они выключены, и Грег, оглядываясь, недовольно произносит «что за хрень?».

– Добро пожаловать на концерт, – включив громкую связь, отвечает Кипп и гнусно хихикает. – В подземельях такого не услышать.

Он нажимает на кнопку на консоли, и глаза Чистильщиков загораются. Фигуры начинают двигаться. Грег и Ния, не понимая, что происходит, насторожено оглядываются.

Но я догадываюсь, что будет, и кидаюсь к стеклу, бью его кулаками. Кипп не обращает на меня внимания и, задумчиво прокрутив тюнер, вновь нажимает кнопку.

Глаза Чистильщиков становятся начинают менять цвет, и металлические корпуса превращаются в гигантские колонки, из которых звучит барабанная дробь, гул на низких частотах и слова, которые пока тихи, и через стекло я не могу разобрать.

Все четыре Чистильщика говорят–поют хором, и звук густой, насыщенный. Против него не продержаться долго. Но зачем это? Здесь ведь нет мутантов, не нужна проверка.

Вдруг в глазах Нии и Грега я вижу понимание и страх. Почти осязаемый, колючий, кричащий о помощи. Грег подбегает к окну и бьет в него, как и я. Мы колотим фальшивую стену, но она не поддается. По моим щекам текут дорожки слез.

– Что это за хрень, Кипп?! – Грег оборачивается назад, и на его лице я вижу ужас осознания. – Не может быть...

– Ты боролся с самим собой. А надо было – с эндофонией, – с глубоким чувством собственного достоинства отвечает чертов умник Кипп. Он спокоен и даже... доволен. Перевожу взгляд на Нию и вернувшегося к ней Грега, – они держатся за руки и почти отчетливо дрожат. Им плохо. Очень плохо. Неожиданно и я все понимаю.

– Кто вы, Корбл Кипп?

– А ты разочаровываешь меня, эксперимент №843. Или твой генетик подправил и тесты тоже? Признаю, насчет тебя я долго думал. Но когда получил скан тела и результаты анализов – все сомнения отпали.

Отступаю на несколько шагов, взглядом цепляясь за стены, пытаюсь отыскать то, что можно использовать в качестве оружия. Кипп такой же, как и я, в этом нет сомнений. Но... как это возможно? Он в два шага подходит и, сжав мою голову руками, заставляет повернуться в сторону окна, за которым Ния и Грег, закрыв ладонями уши друг друга, стоят лоб ко лбу. Смотри друг другу в глаза, они пытаются отгородиться от монотонно бубнящих Чистильщиков, чей голос становится все громче и громче. Я слышу, как они говорят об одиночестве, тщетности и невинных жертвах.

– Даю им час в лучшем случае. Смотри внимательно, мелкая. Не пропусти последнюю историю подземного города. Двадцать два Чистильщика на всех жилых уровнях, никому не сбежать, – склонившись, яростно шепчет Кипп мне на ухо. – А потом, как ты тогда сказала, я уйду в закат.

– Потому что вам надоел этот город, – хриплю, едва складывая звуки в слова. Значит, тогда я говорила с Киппом. Это он управлял Чистильщиком, убившим Стива, уничтожившим сотни. Грег недавно упоминал, что трансляция всегда шла без звука. Знать диалог мог только тот, кто был Чистильщиком. – И что, затем моя очередь?

– Еще не решил. Не люблю, знаешь ли, марать свои руки. Мы оба знаем, что Чистильщик не навредит тебе, поэтому я придумал иначе: ты будешь смотреть, как сходят с ума и умирают твои... гм, друзья. А потом мы пройдем с тобой по всему опустевшему городу, и ты лично пустишь каждому пулю в затылок. Ты умеешь стрелять, тебя должны были научить. А после этого поднимемся на поверхность. Будешь себя хорошо вести – скажу, что ты мне помогала. Будешь вести себя плохо или вообще откажешься сотрудничать, – сброшу на десятый уровень.

Он говорит так, словно делает мне одолжение, но в его голосе я слышу яд, ненависть, злобу. Что бы он ни говорил – все ложь. Кроме угрозы, что, если ничего не изменится, я увижу смерти Грега и Нии. Моя душа разрывается от боли. От того, что я вынуждена смотреть через стекло, не имея возможности помочь, избавить их от мук.

– Отпустите их, и я буду сотрудничать, что бы там вам ни хотелось.

– Мои желания просты. Я хочу очистить Город. Ненавижу это подземелье. Ненавижу мутантов. – Он берет мою ладонь и надавливает ей на неподписанную кнопку на консоли. – Сейчас ты лишила их возможности выжить. Дверь откроется, когда внутри

останутся объекты только одного вида. Как бы ни были мутанты умны, они не могут тягаться с четырьмя Чистильщиками. Та девчонка вооружена, но скорее убьет себя, чем пойдет против системы. Так даже лучше. А будешь торговаться дальше, и я начну выкачивать из комнаты кислород. Усекла?

Усекла. Мне нужно избавиться от Киппа. Он сильнее, но у каждого есть слабые места. Бью его со всей силы локтем в живот, и мужчина скрючивается. Дополняю удар, наступая ногой на его ботинок, ближе к голени. У Нии нашлись для меня сланцы нужного размера, и сейчас я жалею об этом, – босой ступней получилось бы сильнее. Третий удар приходится вновь локтем, но уже точно в нос. Кипп хватается за лицо, и по его ладоням течет кровь. Не важно. Мне не жаль его. Он смотрит на свои руки, и правильные черты искажает ярость. Нос наверняка сломан. Кипп сыплет ругательствами, пытаюсь меня поймать, но я ловко ухожу в сторону. Движения правильные, заученные, и, похоже, что я провела года в тренировках.

Кипп все же достает меня и бьет кулаком в живот. На секунду в глазах темнеет, я охаю от боли, но держусь на ногах. Я стояла дальше, чем нужно было для удара в полную силу. Повезло. В комнате, как и прежде, звучит монотонный голос Чистильщиков, и сейчас почему-то это особенно важно. Отступаю к двери, и Кипп следует за мной, растопырив руки. По его лицу течет кровь, стекает ниже, пачкая белоснежную рубашку, капая на пол. Кипп похож на быка, и я тореадор, загоняющий его в угол.

Замираю за шаг до двери, дальше нельзя. Кипп ухмыляется, понимая, что я в ловушке. Мышеловка захлопнулась. Он все ближе и ближе, и в его глазах голод по чужой боли. Я сглатываю, боясь сделать неверный шаг. Он снова бьет, целясь в солнечное сплетение, и я предсказуемо охаю и сгибаюсь, прижимая к животу руку. А затем, когда Кипп заносит руку для второго удара, я падаю вперед, мимо него, почти прыгаю, уходя из-под его атаки. Не удержав равновесие, он движется вслед за рукой, и я, отвернувшись, слышу, как он ударяется о дверь и кричит, почти воет, когда через его тело проходит электрический ток. Только что я убила монстра, кем бы он ни был.

Поднимаюсь на колени, потом встаю. С трудом, потому что в животе боль, и голова идет кругом. Но я вижу в окне Нию и Грега. Вижу, как тяжело им дается каждая минута моего промедления. Они по-прежнему стоят лбом к лбу, закрывая ладонями уши друг друга. Ния плачет, Грег держится, но на его лице желваки. Как, как я могу им помочь? Шарю пальцами по кнопкам, пытаюсь найти ту, что отключает Чистильщиков. Гаснет и снова включается свет, начинает работать вентиляция. Все не то. Я вспоминаю об угрозе Киппа лишить Грега и Нию кислорода и отдергиваю руки от консоли, боясь нажать именно ту страшную кнопку. Неужели я не могу им помочь?.. Глотая подступившие слезы, я включаю громкую связь, как это делал раньше Кипп.

– Грег! Ния! – Мой голос не перекрывает шум Чистильщиков, и я боюсь, что мои друзья не смогут меня услышать. Тем более, если затыкают друг другу уши. Я кричу вновь и вновь, и, когда Грег моргает и, вырвавшись из плена рук дрожащей Нии, поворачивает ко мне голову, почти хриплю. Его лицо искажено болью, страхом, отчаянием. Это гримаса мертвеца, и, если я не потороплюсь, он им станет.

– Грег, из комнаты можно выйти, только убив Чистильщиков.

Он кивает и поворачивается к Ние. Она напряжена, зубы плотно стиснуты. Мне остается только смотреть, как он пытается ее уговорить, перебивая бубнящие голоса Чистильщиков, справляясь с той реакцией, которую выдают его тело и мозг. Руки Нии беспорядочно перемещаются по его спине, комкая футболку, и голове, хватая за волосы, вдавливая ногти в гребень. В ее широко раскрытых глазах ужас, паника.

– Ния, ты должна выстрелить, пожалуйста, – прошу я в микрофон, но знаю, что она не слышит.

– Я не умею стрелять! – кричит Грег и ей, и мне, вытаскивая из кобуры на талии Нии пистолет. – На что нужно жать?

Я не знаю, как ему объяснить. Я не знаю, почему сама умею стрелять и кто меня учил, но я пытаюсь представить, подобрать слова, почувствовать оружие в собственных руках. Мышечная память надежнее, чем образы в голове.

У Грега дрожат руки, но он точно делает так, как я ему говорю. Слова рождаются сами собой, словно кто-то очень долго повторял мне одно и то же, надеясь, что однажды это пригодится. Грег наводит пистолет на одного из роботов за спиной Нии. Не спрашивая меня, он прищуривается и, прицелившись, нажимает на спусковой крючок. Траектория хороша, но слишком резко, слишком быстро. Пуля пролетает мимо. Еще одна попытка. Грег не разжимает руки и, кусая губы, вновь поднимает пистолет. На сей раз он попадает точно в голову. Чистильщик издает странный звук, похожий на треск сломанной пластинки, и заваливается на сторону. Я облегченно выдыхаю, но вдруг вижу, что три других Чистильщика начинают подниматься на ноги.

– Грег! Они наступают!

На его лбу глубокая морщина. Вновь прищурившись, он стреляет в другого Чистильщика позади Нии. Тот падает, и в черных глазах видны искры коротнувших микросхем. Из видимого уха поднимается тонкая струйка серого дыма.

Дальнейшее происходит молниеносно. Один из Чистильщиков бьет Грега по спине, и он падает вперед, одной рукой хватаясь за Нию. Та, словно очнувшись, выхватывает у Грега пистолет и, не мешкая, по очереди расстреливает обоих Чистильщиков, которые уже подошли почти вплотную. Раздается писк, и на консоли передо мной загорается зеленая кнопка, на которую я, не раздумывая, нажимаю. Дверь «комнаты пыток» отъезжает в сторону, но Ния не замечает этого. Опустившись на колени, она проверяет, жив ли Грег.

– Ния, что с ним?! – Чертовое окно позволяет мне только видеть, не имея возможности помочь, быть рядом. Я прислоняюсь лбом к прозрачной поверхности, пытаюсь разглядеть, как Грег. Крови нет, и он дышит. Облегченно перевожу дух. Ния помогает Грегу подняться и поддерживает, когда он делает первые шаги.

– Жить будет. Но я бы посоветовала постельный режим на недельку. – На ее лице слезы, но Ния улыбается. Грег поднимает голову.

– Я никогда не был силен в кулачном бою. Ты сама как? И где Кипп?

– Кипп мертв. – Эти слова даются с трудом. От переизбытка волнения я даже смеюсь и чувствую себя полным моральным уродцем. Хотя, конечно, Кипп был монстром, и я боролась за свою жизнь. – Комната заперта, дверь под напряжением.

– Попробуем открыть снаружи.

Они выходят из комнаты, и передо мной теперь только пустое помещение и четыре дымящихся робота в черных одеждах. Неужели все кончилось? Где-то должна быть кнопка, отключающая всех Чистильщиков в городе. Как-то же Кипп планировал их отключать? Или нет. Он же сказал, что ему ненавистен город мутантов. Мутантов? Как это может быть?..

Оглядываюсь на Киппа, но боюсь к нему прикоснуться. За дверью слышится какая-то возня. Если разбить окно, то через «комнату пыток» можно выйти в коридор. Пока Грег и Ния пытаются обесточить дверь, раздумываю над тем, что сказал Кипп. Солгал? С него станется. Ясно, что у него на поверхности есть сообщники. Им он хотел меня представить. Кто они? Судя по всему, те пресловутые «умники». Но они же мутанты. Или нет? Кипп считал, что я догадаюсь.

Наконец, дверь отъезжает в сторону, и в комнате становится светлее. Перепрыгнув тело Киппа, я бросаюсь в объятия к Грегу и Нии. Они усталые, едва держатся на ногах, но живые. Гладят меня по голове, по спине, что-то говорят, утешают. Мотыльки поцелуев

касаются волос, лба, щек, носа. Я плачу, понимая, что еще чуть–чуть, и я бы стала свидетелем гибели двух самых близких мне людей. Хорошо, что все кончилось.

– Нам нужно идти, – шепчет Грег. – Посмотреть, что происходит. Странно, что охрана не сбежалась.

– Кипп сказал, что Чистильщики на каждом уровне. – Киваю, и мы идем по коридору, толкая двери опустевших кабинетов. Внутри письменные столы, нагруженные бумагами. На мониторах компьютеров открыты документы. Элита покинула уровень только что, словно кто–то их предупредил. Охранников тоже нет. Ния уже перезарядила пистолет и теперь идет первой. Мы с Грегом тащимся за ней.

Подальше, у лифта, мы находим Чистильщика. Он сломан, но Ния на всякий случай делает контрольный выстрел. Грег пинает тело робота и вслух выражает вопрос, повисший в воздухе: «Кто его так приложил?». Новая загадка. Значит, есть в Городе кто–то еще выживший, кроме нас?

Мы выходим к площади перед Президиумом, Отделом Проверки и Отделом Порядка. Тут валяется еще один Чистильщик, тоже сломанный. Других трупов нет, и не похоже, что кто–то пострадал. Это хорошая новость.

– В Президиум? – одними губами спрашивает Ния, указывая головой в сторону туннеля.

– Будем патриотами? Ну давай, – соглашается Грег, и мы уже поворачиваем в туннель, как вдруг за нашими спинами раздается уверенный голос: – Зря потратите время. Там никого нет. И уже давно.

10. Кукловод

Мы оборачиваемся. Перед нами стройная девушка в черном брючном костюме. У нее светлая кожа, как у меня, и на первый взгляд я не вижу никаких особенностей внешности. Бесстрашная представительница элиты? Впрочем, похоже, что Грег и Ния ее знают.

– Откуда ты здесь?! – восклицают они одновременно. Девушка подходит к нам ближе, и я вижу, что в ее руке – пистолет, а на правом бедре прикреплен передатчик на ремне. Она улыбается приветливо и, подойдя ближе, представляется:

– Миранда Дан, глава Управления по работе с мутантами.

По очереди она пожимает каждому из нас руку. Теперь я понимаю, почему у Грега и Нии такие растерянные лица. Ведь перед нами – та самая Миранда–недотепа, помогавшая Грегу в его работе. Она заботилась обо мне, когда я была пленницей в лаборатории. Ее именем Грег представил меня, когда мы пытались попасть в хранилище. У Миранды длинные белокурые волосы, убранные в высокий пучок. Ния смотрит на нее с подозрением, и я вспоминаю ее недавнее настойчивое желание проверить, как я «функционирую». Становится смешно.

– Мы вывели всех, кто оставался в Городе. Чистильщики уничтожены. Для прохождения медицинского осмотра рекомендую подняться на поверхность. – Миранда указывает нам на лифт.

– Кто «вы»? – тихо спрашивает Грег, и, я думаю, мы все заранее знаем ответ.

– Люди, которым небезразличны мутанты. – Улыбка Миранды адресована всем и никому. Она подслащает горькую пилюлю осознания собственной никчемности. Мой мир во второй раз переворачивается с ног на голову, хотя после откровений Киппа я уже была готова к чему–то подобному. Но для Грега и Нии слова Миранды сейчас как ураган, в клочья разносящий выстроенный потом и кровью картонный домик. – Все не так, как вы думаете. Пойдемте со мной наверх, и вы сами увидите.

– Мы можем остаться здесь? – шепчет Ния, пряча взгляд. Грег обнимает ее за плечи.

– Разумеется, но Город пуст, здесь нечего делать, – хорошо поставленным голосом удивляется Миранда. – Программа поддержки отозвана.

Грег приобнимает Нию и делает шаг вперед. Ния колеблется, но я беру ее за руку, и втроем мы идем за Мирандой к лифту. Там, наверху, нас ждут ответы на все вопросы. У меня их накопилось много, очень много.

Миранда заходит в кабину лифта последней, еще раз проверив, что на уровне никого не осталось. Задвигается дверь, и мы несемся вверх. Ния и Грег стоят, держась за руки, и на их лицах ужас. Наверное, так выглядят те несчастные, чьи дома оказываются на пути стихии: урагана, торнадо, вулкана... Мы покидаем пустой город, оставляя за собой искрящиеся тела Чистильщиков и гниющие трупы в морге. Впрочем, Миранда сказала, что позднее туда спустятся бригады зачистки. Вот так: две разные противоборствующие стороны, а отряды качков с квадратными подбородками есть у обеих. Словно никакой разницы. Так, может, нас и не спасать везут, а, наоборот, в лаборатории – и под нож? Хотя не верится.

Когда лифт останавливается, и двери отъезжает в сторону, Миранда выходит первая, следом за ней – Ния и Грег. Я последняя. Странно быть на поверхности. Мы в каком-то здании с высокими потолками. Повсюду серый цвет, металл и стекло. Значит, мы в офисе этого мифического Управления по работе с мутантами. Догоняю Миранду и хватаю ее за предплечье, она удивленно поворачивается, но не замедляет шаг:

– Вопросы?

– Требование. Если я узнаю, что Грег и Ния подвергаются опасности, а ты нас обманываешь, то здесь камня на камне не останется. Стрелять я умею, а бояться мне уже нечего.

– Одна против сотни? Ну-ну, – Миранда цокает языком, и мне от этого становится особенно обидно. – Не волнуйся, здесь им не причинят вреда. Мы только хотим кое-что проверить.

– Как они «функционируют»? – зло выплевываю, не давая Миранде вырваться из моего захвата. – Они такие же, как мы.

– О нет, они намного слабее нас. Их мозг не выносит волны определенных частот, желудок требует строгой диеты, глаза отвыкли от солнечного света, а легкие – от загрязненного воздуха. Веками жителей подземелья травили, как тараканов, колорадских жуков, саранчу, но они всякий раз выживали, подстраиваясь под яд. Облучение, токсины, генная модификация, и перед нами – совершенно новая раса, от которой, как оказалось, нет никакой пользы. – Миранда говорит глухо, и я не могу понять, что чувствует она сама. По мне, так эти опыты – бесчеловечны, и я не могу представить того, кто мог задумать проводить эксперимент над ничего не подозревающими людьми. Хотя постойте-ка, я же один из главных участников этого реалити-шоу! Выходит, что все началось много раньше?

Мы подходим к двери без таблички. Миранда стучит, и нам открывает худой мужчина с мясистым носом и маленькими водянистыми глазками. Он одет в белый больничный халат, и на его руках – латексные перчатки. У каждого из нас, включая Миранду, берут кровь. В комнате пахнет спиртом и чистотой. Внезапно я понимаю, что прежде в воздухе все время присутствовал тонкий сладковатый запах разложения, и от этого становится мерзко.

Коридорами нас ведут к какому-то местному царьку. Так я поняла по фразам, которыми перебрисывались врач и Миранда. Грег и Ния выглядят подавлено, и я, по очереди держа их за руки, повторяю, как заезженная пластинка, что все будет хорошо. Самая фальшивая фраза, которую я когда-либо говорила.

Миранда открывает перед нами дверь кабинета с золотистой табличкой снаружи. Я успею прочесть только пару букв имени: «ий». Наверное, что-то греческое, вроде «Македонский» или «Юлий», или порядковое «третий», например. Софий

Александрийский – звучало бы неплохо и отлично подошло бы этому сморщенному грибу, который зыркает на нас из-за стекол прямоугольных очков в темной оправе. Миранда, представив нас, выходит из кабинета прочь, а Рихард Свенский, как сморчка, оказалось, зовут, любезно предлагает нам сесть на большой зеленый диван. Примечательно, что руки нам господин Свенский жать не стал. Не удивлюсь, если где-то там у него на столе лежат средство от дезинфекции и антибактериальные салфетки.

– Добрый день, – произносит он дребезжащим голосом, утопая в массивном кресле. – Как вы себя чувствуете?

– Довольно паршиво, – отвечаю за нас троих. Грег недовольно на меня смотрит и жестом показывает, что у меня слишком длинный язык.

– Вам не о чем беспокоиться, – ровно произносит Грег следом за мной. – Мы готовы к тому, что вы нам расскажете.

– Сомневаюсь, молодой человек, сомневаюсь, – ехидничает старичок, посмеиваясь. – Но история закончилась, и будет несправедливо, если вы так и не узнаете, в чем была ее суть. Вам что-нибудь говорит термин «замещение сознания»?

– Нет, – мы отвечаем единодушно, посмотрев друг на друга.

– А жаль. Фрейд ухватил главное. Подавляя, минимизируя отрицательный импульс, так легко забыться... Вы и поколение до вас прекрасно понимали, что происходит, но, распределяя роли подопытных мышей и ученых, в воображении избрали для себя противоположную реальному положению вещей роль. Корбл Кипп лишь довершил замещение, создав полную иллюзию. Не вы изобретали человека, исследуя его, а вас, мутантов, мы долгие века пытались изучать.

Грег вскочил с места, но мы с Нией синхронно опустили руки ему на плечи, заставляя сесть. Я бросила быстрый взгляд на патологоанатома: в отличие от Грега она, казалось, понимает, о чем речь. Для меня слова Свенского пока не имели смысла. Еще во время разговора с Киппом я поняла, что он такой же, как я. Ему не требовалась иная кожа, кроме той, которая на нем была. Но кто человек, а кто – мутант? Кто даст гарантию, что перед нами – не один из тех умников на лекарствах?

– Сядьте, молодой человек. – Свенский пренебрежительно машет рукой. – Выпейте воды лучше.

На столе стоят три стаканчика, наполненные прозрачной водой. Я бы не стала ничего пить в этом неизвестном месте, и, похоже, эти же мысли разделяют Грег и Ния. Никто из нас даже не делает попытки прикоснуться к стеклу. Свенский продолжает, не обращая на нас внимания:

– Лучше подумайте о том, что вы приняли участие в беспрецедентном эксперименте! Вместо того, чтобы полностью уничтожить эту кучку подпольщиков, и так почти раздавленную отсутствием надлежащей пищи, чистой воды, воздуха и солнечного света, мы взяли управление вашей общиной в свои руки!

Он воодушевлялся с каждым словом и заходил все дальше. Ния и Грег были правы лишь в одном: подполье сформировалось еще в Средние века, и его на самом деле возглавили выдающиеся люди, обогнавшие свое время. Им удавалось выживать, балансируя на грани жизни и смерти, но занимаясь наукой и натуральным хозяйством, торгуя с небольшими селениями на поверхности. Из-за жизни в темноте у них возникла светобоязнь, но развилось ночное зрение. Кроты с человеческими лицами. Они не угрожали никому войной, не пытались занять чужую землю или силой отобрать имущество, но само их присутствие тревожило власть имущих. Дети подземелья казались разносчиками заразы, опасными преступниками, уродами. Их решили уничтожить.

Подземелье ушло в глухую оборону. Они прервали все контакты с внешним миром на долгие десятилетия, надеясь, что о них забудут. Но население медленно вымирало. Не хватало солнечного света, продуктов питания, многих лекарств. Поэтому им пришлось

вновь открыть люки и предложить бартер. В то время как сердобольные крестьяне помогали «кротам», религиозные фанатики видели в них исчадий ада, поэтому не гнушались никакими средствами, лишь бы уничтожить несчастных. Они подливали яд в воду, забивали вентиляционные отверстия палеными тряпками, подбрасывали отравленную еду. Многие умирали, но те, кто выживал, приобретали иммунитет, и их дети оказывались сильнее. Борьба с религиозными фанатиками научила подземных жителей ведению партизанской войны. Они научились обманывать, замечать следы и заставлять своих врагов чувствовать уязвимость, отчаянную панику и даже временное помешательство. Было выгодно оставить детей подземелья в покое.

Годы травли не прошли бесследно: тела мутировали, но разум остался прежний, человеческий. Некоторые мутанты поднимались на поверхность, где, переодетые бродягами или шутами, собирали информацию о наземном мире. Многие из них заводили семьи, надеясь, что их дети будут более здоровы, переезжали в другие города, спасаясь от преследований. К своему удивлению они находили там других изгоев, обезображенных физически с самого рождения или после болезней. Они основывали новые поселения, пытаясь приобщиться к жизни простых землепашцев. Кто-то выбирал карьеру странствующих циркачей и своим внешним видом и особенностями тела смешил народ.

В двадцатом веке на мутантов была объявлена охота: ученые решили проверить, насколько сильны эти странные существа. Многие поселенцы были схвачены, а затем в результате исследований или после их завершения убиты. Наземные мутанты недалеко ушли от обычных людей, и интереса не вызывали. То ли дело подземные жители. Было решено создать новую расу, основанную на соединении ген человека и мутанта. Но началась война, и такой долгосрочный проект не был выгоден. Его отложили, но не забыли.

Германия проиграла, и идея создания новой расы для реабилитации оказалась востребована. Но ученые раскололись на две группы: одни хотели попробовать уникальный эксперимент, другие брезговали мутантами и не хотели иметь с ними дело, всячески саботируя работу первой группы. После первых неудачных опытов желающих прекратить эксперимент стало больше. И здесь началось самое интересное...

Мутантов решили уничтожить. Но так, чтобы это не вызвало недовольства у той группы, которая хотела продолжать исследования. В подземелье постепенно стали внедрять представителей «Управления по работе с мутантами» – УПРМ. Сначала они заняли первый уровень, заменив собой умиравшего Главу Города, затем стали проникать ниже, играя роль недотеп и имея возможность следить за всем, что происходит. В это же время замещение сознания, стимулируемое рассказами УПРМ, заставило мутантов поверить в то, что они люди, и что это они проводят эксперимент над теми, кто живет на поверхности. Так были обеспечены регулярные контакты.

Жители подземелья искали на поверхности не сильных детей, способных пройти тесты, а других мутантов, среди которых были потомки тех, кто давным-давно переселился на поверхность и жил там веками. Критерием отбора были тесты, специально разработанные так, что сдать их могли только те, чьи гены мутировали. Под руководством УПРМ создали и Чистильщиков. Это была инициатива Киппа, который, спустившись в Подземелье в девяностые годы двадцатого века, жил мыслью об уничтожении каждого, кто не такой, как обычный среднестатистический человек.

Первые испытания прошли успешно: у всех, кто покончил с собой под воздействием голоса Чистильщика, были в крови обнаружены те или иные мутации. Проверку назвали «эндофония» и объяснили как изучение влияния определенных частот на сознание.

Помимо мутантов, на «полигоне» убивали и тех, кто был неугоден: юродивых, больных, преступников. Свенский не стал вдаваться в подробности, но, я думаю, это делалось втайне, под прикрытием эксперимента. Все шло гладко, но Кипп совершил ошибку: отправляя тела к патологоанатому Норману Калласу, отцу Нии, для липового

«обследования», Кипп не проверил тех, кто не покончил с собой, а был убит. Никто не думал, что Каллас – фанат своего дела и будет распределять тела на группы по причине смерти. Человек не может сам себе выстрелить в затылок, а на многих трупах входное отверстие было именно там.

Каллас обратился к тому, кто начинал эксперимент: к Альбрехту Вайсу, отцу Грега. Сравнив данные, они пришли к выводу, что тела не совпадают с соответствующими им данными. Более того – никто из тех, за кем следил Вайс, не оказались в морге. Ученые заволновались, но решили сохранить секрет в тайне, проследив за следующим. «Похоже, что Вайс понял наш план, – Свенский задумчиво смотрел на поднимающийся вверх дымок от тлеющей в его руках сигары. – Мутантов еще было очень много, и он знал, что операция не будет прервана. Возможно, он и сомневался в своих выводах, поэтому ни с кем ими не делился. Точно никто сказать не может. Одно известно точно: он нашел где-то человеческого ребенка без мутаций и вписал его имя в бланки, исправив показатели. Мутации проявляются после полового созревания, поэтому отмеченных детей после прохождения тестов отправляли жить обычной жизнью под контролем наших бойцов».

Собрав достаточно улик против Киппа, который отвечал за проведение операции, Каллас и Вайс пошли в Президиум, добиваться аудиенции Главы Города и справедливости. Ни то, ни другое они не получили. Кипп арестовал их, просмотрел бумаги, а потом объявил изменниками и велел казнить. Сначала он хотел казнить и семьи, но Город не может без патологоанатома и генетика, – это слишком значимые люди. Поэтому он сохранил Ние и Грегу жизнь, но стал присматриваться к ним, боясь, что те знают о его лицемерии.

Кипп был уверен, что Город в его руках и уничтожение мутантов – вопрос времени. Оставалось не так много – многие УПРМцы, притворяясь мутантами, заняли Город, и настоящих жителей осталось меньше двух десятков. Поражение Чистильщика от моей руки УПРМ расценило как новую мутацию, и хотело отозвать эксперимент на доработку. Но когда мы с Грегом решили влезть в хранилище, то охрана нас просканировала, и УПРМ внезапно обнаружило, что имеет дело с человеком. Проблема была решена, и Кипп получил приказ на уничтожение Города, ставшего опасным.

– Единственное, что мы так и не узнали, – Свенский хитро смотрит на нас, – это личность вора, посмевшегося вторгнуться в Отдел Порядка и похитить результаты исследований Калласа и Вайса.

– Мы бы тоже хотели знать, – замечает Грег. За время рассказа его лицо посерело, и он то и дело сжимал и разжимал кулаки. – Документы были украдены два года назад, и, выходит, что два года кто-то знал о том, что нас убивают, и ничего не делал, даже не предупредил. Признаться, я одно время даже думал, что документов не было, что Кипп их уничтожил сразу, как они попали к нему в руки.

– Это было бы слишком поспешно. Исследования опирались на генетику, и сами по себе представляли научную ценность. Ваш отец, доктор Вайс, был замечательным генетиком, опередившим как свое поколение, так и разработки ученых на поверхности. Но я думаю, что преступник в этой комнате. Доктор Каллас, вы не хотели бы нам кое-что рассказать?

В кабинете становится тихо. Даже рассказ Свенского о том, что на самом деле происходило в Городе, не произвел на нас с Грегом такое впечатление, как новость о том, что Ния могла все знать. Мы смотрим на нее и хотим услышать, что это все ложь, и что она никогда не видела эти бумаги, но Ния тихо кивает головой.

– Да, их украли я. Мне нужно было знать, что мой отец не был предателем. Патологоанатомов в Городе и так не любят, а когда на тебя тычут пальцем, то от унижения хочется провалиться на самый десятый уровень...

– Но, Ния, почему ты мне ничего не сказала? – ошеломленный Грег едва говорит, делая паузы между словами. – Почему все эти годы ты винила меня в том, что сделала сама?

– Ты хочешь сейчас об этом говорить?! Не думаю, что сейчас лучшее для этого время.

– Как и два этих года, да? – он саркастически смеется. – Сначала было страшно, а потом поздно?

– Я не ждала, что ты поймешь, – она отворачивается. – Выйдем отсюда и поговорим по-человечески.

Грег, задумавшись, кивает. Слишком много признаний для одного дня. Слишком много событий. Первые откровения давались тяжело, но к последующим мы уже готовы, и каждое из них воспринимается легче предыдущего. Нию не в чем винить. Прочсть о том, что все исследования ведут не к рождению нового человека, а к уничтожению мутантов, – да от этого с ума сойти легко. Теперь я понимаю, почему у нее всегда с собой оружие. Только против Чистильщиков оно бы не помогло, заявись они всем скопом на уровень. А те недотепы с радостью бы им помогли.

– Господин Свенский, сколько мутантов выжило? – я задаю вопрос и по глазам старика в кресле уже знаю ответ.

– Тебе не стоит о них беспокоиться, девочка. УПРМ позаботится о них.

– Как Кипп позаботился о тех сотнях, сброшенных на десятый уровень? Вы же знаете, что те деревья питаются плотью. Весь Город может исчезнуть, словно его никогда не было. Разве не этого вы добиваетесь? Давайте, отдайте приказ, чтобы нас убили. Чего вы ждете?

– Результатов анализов, – коротко отвечает Свенский. – Многие мутанты заражены, и они не нужны нам.

Он наставляет два пальца на нас наподобие пистолета и будто стреляет. Ния рефлекторно хватается за кобуру и, угрожая ему, достает настоящее оружие. Старик хохочет. Тотчас моего затылка, а также затылков Грега и Нии, как я, скосив глаза, могу видеть, касается холодное дуло.

– А меня за компанию? – спрашиваю, только чтобы поддержать разговор.

– Разумеется. А кому ты нужна? Не знаю, где Вайс раздобыл тебя, еще младенца, но явно не из счастливой семьи. Отпустить тебя мы не можем, поэтому, милая, твоя история на этом завершится.

По кабинету разнесся усиленный динамиком голос Миранды: «Анализы готовы». Старик нажимает на кнопку на пульте управления, и дверь за нашими спинами открывается. Об этом я могу судить сначала по шипящему звуку, а потом – по цоканью каблучков. Все в том же черном костюме, Миранда несет в обеих руках папку. Свенский что-то радостно бормочет в предвкушении. Как же, последние двое мутантов, да еще и разнополые. Садист вы, дядя, однозначно. Не глядя ни на кого, Миранда встает напротив старика, полностью загораживая его от нас. Я прикасаюсь к Грегу, рядом с которым сижу, и киваю, прощаясь. Плачущая Ния правее, и ей я только могу ободряюще улыбнуться.

Но это еще не конец. Раздается тихий свист, едва слышимый в комнате, а затем Миранда резко разворачивается и по очереди стреляет в каждого из трех охранников за нашими спинами. Не успевая сориентироваться, они с грохотом падают на пол.

– Ложись! – командует Миранда, опускаясь на четвереньки и откатываясь в сторону, прячась за стоящим по диагонали рабочим столом Свенского. Сам Свенский, как я успеваю заметить, уже мертв: по его белой рубашке расплывается красное пятно.

Грег легко переворачивает диван так, что тот становится похож на баррикады. За ним мы и прячемся. Оба безоружные. Ния, достав свой пистолет и кивнув Миранде, тоже держит оборону. В коридоре слышится шум: стук тяжелых сапог по полу, чьи-то крики,

ругань. Грег берет меня за руку, другой рукой надавливая на голову, чтобы я не высовывалась, а опустилась пониже. Я слушаюсь, но недовольно делаю точно так же: спасибо за заботу, Грег, но твой гребень – отличная мишень.

Перестрелка продолжается несколько долгих минут. Я не считаю, вздрагивая каждый раз, как гильза падает на пол, как кто-то кричит или воет, как пуля царапает мебель и застревает в стенах. Я не знаю, почему Миранда вдруг стала нам помогать, почему пошла против своих же. Это неважно. Главное, чтобы мы выжили. Я слышу, как Миранда и Ния несколько раз перезаряжают оружие, и каждая секунда промедления сводит с ума. Наконец, стороны обмениваются последними выстрелами, и именно сейчас наступает абсолютная тишина. Ния и Миранда ждут еще несколько минут, не опуская оружие, но мы с Грегом уже расслабились и выглядываем из-за дивана, проверяя, все ли в порядке. У Миранды на щеке тонкая царапина от пролетевшей мимо пули, Ния потирает запястье, но, похоже, просто от усталости. Тишина. Врагов больше нет.

Грег встает на ноги и помогает встать мне. Хочется смеяться, танцевать, кричать от радости. От переизбытка чувств я бросаюсь к нему на шею. Осторожно поглаживая мою спину, Грег смущенно просит меня быть сдержаннее. Наваждение длится с полминуты, а потом я, с покрасневшими щеками, отлипаю. Грег, приобняв меня за плечи, поворачивается к Миранде:

– Под чьим мы теперь покровительством?

– Все то же Управление по работе с мутантами. Но, в отличие от Свенского, мы за сохранение вымирающего вида. – Миранда, отряхнувшись после перестрелки, подходит ближе. – Анализы показывают, что ты и Ния – здоровы, не считая особенностей мутации. Есть еще два охранника с первого уровня, семь горожан из портняжного и медицинского отсеков. Раз так, то было принято решение вас отпустить.

– И куда мы пойдём такие красивые? – беззлобно спрашивает ее Грег. – Кто будет рад нам?

– Мы. Какое Управление по работе с мутантами без самих мутантов? – Миранда подмигивает ему. – Вы с Нией зарекомендовали себя как высококлассные специалисты, и мы хотим видеть вас в наших рядах. Программа уничтожения, которую вели Свенский и Кипп, затрагивала только нашу страну, но неизвестно, сколько еще выживших.

– Мы не будем их уничтожать, – твердо говорит Ния. – Каждый достоин права на жизнь.

– В этом и дело. Мы реализуем Программу поддержки и хотим дать мутантам второй шанс, уже на поверхности. Позднее, возможно, с учетом исследований ваших отцов можно будет попробовать создать нового человека искусственно или вылечить мутации, но на настоящий день основная задача – позволить мутантам просто жить, не скрываясь, в полной мере реализуя свои возможности. Вы с нами?

Ния и Грег переглядываются, затем единодушно кивают. Миранда улыбается и по очереди пожимает им руки.

– На этом церемонию предлагаю завершить и перейти в более удобное для обсуждений место. – Грег взглядом указывает на еще теплые тела охранников Свенского и сотрудников УПРМ около двери.

Миранда, спохватившись, предлагает перейти в другой корпус, и мы идем за ней. Я иду рядом с Грегом, но вижу, что смущенная Ния не решается начать с ним разговор при мне и ускоряю шаг, догоняя Миранду.

– Есть в этой истории кое-что, что я не понимаю.

– Неужели? – спрашивает она с любопытством.

– Да. Кто я такая? Откуда я взялась, и где была все время взросления?

– Ответ довольно банальный. Отец Грега получал списки детей от УПРМ с рядом сданных анализов. Мы проверяли все приюты, чтобы найти мутантов. Ему, разумеется,

Кипп и компания говорили, что среди детей он должен выбрать самых сильных для участия в эксперименте. Процедуру отбора не знаю, я в то время тут не работала. Но, судя по всему, он догадался, что УЧ влияет только на мутантов, поэтому отметил среди детей и простого ребенка. Сейчас уже невозможно восстановить, кто твои родители. Детство ты провела в приюте, но затем доктор Вайс приказал забрать тебя. Он придумал твою биографию, черты характера, особенности поведения... Вернее, нет, не так: он создал твой психологический портрет, с учетом которого с тобой обходились воспитатели, а позднее – преподаватели. Так формировалась твоя личность. Всех детей, отмеченных доктором, растили здесь, на базе. Сама понимаешь, игрушек тут нет, а в качестве развлечений – стрельба по мишеням и сбор автомата на скорость. По выходным можно смотреть кино, вот и все. Тебя учили, как юного бойца, – в документах было записано, что у тебя гиперактивность, и обязательно нужно заниматься спортом. Сейчас я думаю, что доктор Вайс предугадал наперед, что тебе может потребоваться для спасения.

– Но почему я ничего не помню?

– Перед экспериментом целую неделю участники подвергались гипнозу. Что-то вроде отборочного тура. Важно было, как поведет себя испытуемый на полигоне. Подземные теоретики весьма успешны с наведением мнимых воспоминаний – кратковременные, но довольно яркие. Скоро забудутся – сама понимаешь, на долгий срок никто не рассчитывал. Здесь, при УПРМ, ты несколько лет жила в пансионе с другими отобранными для эксперимента детьми. Вам не позволяли сближаться, чтобы не допустить побега, сговора или эмоций, мешающих проведению полноценного исследования. Но теперь, надеюсь, все изменится.

– У меня есть дом?! – я замираю, пытаюсь представить, как выглядит моя комната, есть ли у меня любимая книга или фильм, а потом думаю, что смогу узнать все сама, не расспрашивая Миранду. Я хочу увидеть и почувствовать все сама.

– Да, и там тебе будут очень рады. Еще вопросы?

– Да, один. Но я знаю, что вы мне не ответите. Во время эксперимента я видела десятки людей, умерших из-за работы УЧ. Среди них могли быть преступники или обреченные, как вы и говорите, но другие, перед которыми была вся жизнь? И это же не первый случай. Как вы могли? Почему продолжали? Почему не остановили? Как вообще у вас хватило духа...

Я плачу, выплескивая, наконец, все, что копилось внутри. Теперь я знаю правду: нет во мне ничего особенного, просто приглянулась отцу Грега как самая неподозрительная, чтобы «тройского коня» заслат в стан врага. Всем было все равно, умру я или выживу, и я просто крохотная часть этого большого злого плана. Меня готовили, чтобы я сыграла свою роль.

– Многие мутанты больны, – сухо говорит Миранда. – С самого детства. Мы боялись, что зараза выйдет наружу. Только недавно выяснилось, что человек этим вирусом заболеть не может. Первых испытуемых приговорил их собственный организм. Признаться, вначале я не любила мутантов. Брезговала. А потом меня послали вниз следить за Киппом, и, работая с Грегом, я поменяла свое мнение. Я согласна, наш план был ужасен, но я заставила себя думать так, как Грег: мы растим нового человека, более совершенного, способного изменить этот мир. Так проще, – Миранда задумывается, а потом, кивнув сама себе и словно решившись, продолжает, – знаешь, Кипп пытался оказать на Грега психологическое давление. Он знал, что и ты, и тот мальчик, Стив, были выбраны доктором Вайсом. Кипп после казни доктора запретил генетикам напрямую общаться с последующими экспериментальными образцами. Поэтому вы были первыми и единственными. Зная о том, что доктор Вайс понимал весь риск, Свенский и его подчиненные были уверены, что угрозу представляет Стив. Поэтому в первый же день, отправив Чистильщика, Кипп специально поместил их в одном здании. Хотел, чтобы Грег

мучился в ожидании. Я тогда по полдня на первом уровне проводила, и Кипп много интересного рассказывал... он знал, что Грег будет смотреть, и поэтому специально оставил Стива до самого конца. Я помню их обоих в те дни. Если бы не ты, Грег бы наложил на себя руки. Он страдал, ужасно страдал. Всем остальным было безразлично: одним мутантом больше, сотней меньше – никаких проблем. И именно тогда я поняла, что мутанты ничем не хуже нас.

Я оборачиваюсь посмотреть на Грега и Нию – они идут за нами, чуть в отдалении. Им нужно многое обсудить и ко многому привыкнуть. Теперь пришла моя очередь знакомить их с *настоящим* миром.